

Николай Инодин

В ТЕНИ СТОРЕВШЕГО КИПАРИСА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Николай Инодин

В тени сгоревшего кипариса

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Инодин Н. М.

В тени сгоревшего кипариса / Н. М. Инодин — «Издательство АСТ», 2019 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-119208-2

Для того чтобы история пошла по иному пути, не нужен попаданец с ноутбуком. Один человек задержался в пути, другой в нужное время высказал умную идею. Третий умер на три месяца раньше. И хотя в Испании остановить фашистов не удалось, советские добровольцы готовы попробовать снова, на этот раз в Греции.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-119208-2

© Инодин Н. М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николай Михайлович Инодин

В тени сгоревшего кипариса

© Николай Инодин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Не срослось, не сложилось, не было.
Ничего водой не снесло.
Нет о том ни были, ни небыли:
На пустом былье не росло.*

*Не рожденные, не любившие,
Не имевшие вовсе судеб,
Чем дышали они, не бывшие,
Никогда не жившие люди?*

Шум прибоя почти не слышен – берег моря виден, но достаточно далек. Плеск и шорох волн заглушают гудение бесчисленных мух, карканье ворон и пронзительные вопли чаек. Тихо потрескивает остывающий двигатель. Звучит греческая и русская речь, иногда в эту мелодию вплетаются лающие фразы на немецком – не всех фрицев перемешали с грунтом танковые гусеницы. Запахи моря и пыли забивает кислая тротиловая вонь, густо замешанная на «ароматах» бензина и горелой краски.

Вечер. Закатное солнце делает тени гуще и длинней. Тень кипариса, перебитого прямым попаданием снаряда, косо лежит на башне танка. Гусеницы боевой машины по самый верх тележек подвески зарылись в обломки серого десантного планера. Красная пятиконечная звезда на бортовой броне мирно уживается с нанесенной на башню белой восьмиконечной родственницей. Одно крыло планера уцелело и задралось вверх. Намалеванный на нем черный крест щедро присыпан пылью, но еще вполне различим.

На башне сидит танкист – чумазый и уставший. Он сдвинул на затылок ребристый шлем и устало, не торопясь, курит. Медленно выпускает из ноздрей табачный дым и смотрит на море. Там, за проливом, воды которого из-за обилия якорных мин местами напоминают суп с фрикадельками, его заждались. И он обязательно вернется, потому что привык возвращать долги. Нынешняя победа – всего лишь щедрый задаток.

Глава 1

За три моря

Пятеро мужчин в военной форме без знаков различия стоят на пирсе и наблюдают за тем, как порталные краны легко, играючи, переносят с борта на берег грузовики, танки и артиллерийские установки. Выгрузка идет не первый час, поэтому особого интереса не вызывает. Но порядок есть порядок, поэтому мужчины переговариваются, не прекращая следить за процессом.

– Фунтиков, скоро твои сараи выгружать начнут, не поломают их греки при разгрузке? Тридцать тонн – не кило изюму.

– Эти краны и потяжелее таскали, снимут. В Одессе как бы не хуже этих машинисты были.

– Какой-то ты спокойный, Михаил, не понимаю. Чужая страна, незнакомое всё. А ты будто на вокзале в Жмеринке на перрон покурить вышел.

– Так не первый раз, товарищ майор. Я на родине меньше года пробыл.

– А чего тогда рапорт подавал?

– В тот раз не договорил с фашистами.

Михаил хотел сплюнуть, передумал и зло ощерился:

– Еще бы с французами потолковать. О гостеприимстве.

Фунтиков провожает взглядом величаво проплывающую над ними тушу трехбашенного танка.

В самом деле, ему не впервой. Приходилось, волнуясь, разглядывать с палубы парохода, как разворачивается панорама незнакомого морского залива, таращиться на чужие маяки и дома непривычного облика. Два года назад младший лейтенант Фунтиков первый раз слушал незнакомую речь докеров, волновался, когда кран выдернул его Т-26 из корабельного трюма, будто морковку из грядки. Удивлялся незнакомой архитектуре, на узких улочках Барселоны любовался вычурными балконными решетками, втягивал раздутыми ноздрями ароматы апельсиновых рощ. Это потом, спустя полгода, с легкой руки кареглазой каталонской красавицы прилипнет к нему кличка «Дон Мигель». К тому времени лейтенант Фунтиков уже оценит «прелесть» узких улочек средневековых городов, научится видеть в оливковых и гранатовых рощах, в виноградниках и старинных ветряных мельницах не иллюстрации к романам Сервантеса, а удобные места для засад, огневых позиций и наблюдательных пунктов.

Навоевался Михаил от души, и с врагом, и с союзниками. С тех пор расхлябанность и неорганизованность числит в одном ряду с изменой, еще и не сразу решишь, от чего вреда больше. Когда франкисты и итальянцы отрезали их группу от морского побережья, Михаил среди танкистов остался старшим. Метался на последних литрах бензина по горам и долинам, пытался несколькими танками и броневиками перехватывать маневренные группы итальянских танкеток и марокканской кавалерии. Иногда – успешно, тогда Дон Мигель любовался приземистыми силуэтами горящих «ансальдо» и пустыми седлами на спинах поджарых берберийских лошадей.

Запекшейся кровью на грязных бинтах памяти остались последние бои летом тридцать девятого: щедро политые кровью сумасшедших марокканцев склоны, трупы последних защитников Республики. Снаряды и топливо для его «El bravo Rojo»¹, латаного-перелатаного Т-26, последнего остававшегося в строю, чуть ли не в котомках приносили со всего пиренейского фронта. Когда ни того, ни другого не осталось, Михаил сам разбил молотком прицелы, воткнул

¹ «El bravo Rojo» – Красный смельчак, храбрец (*исп.*) – название танка, на котором воевал в Каталонии Михаил Фунтиков.

первую передачу и выпрыгнул из танка. До конца смотрел, как падает в ущелье, разваливаясь на части, испытанный боевой друг.

Переход границы, наглость и презрительная вежливость французских чиновников. Лагерь... Это и вовсе не хочется вспоминать.

Марсель, пароход «Четвертый Интернационал», переход до Одессы, который Михаил почти не помнит – на борт его поднимали на носилках, свалило с ног запущенное в лагере ранение. На палубу врач разрешил выходить уже после прохода черноморских проливов.

Разговоры со строгими, внимательными особистами, затем Москва, орден Красного Знамени, третий кубарь в петлицах и рота Т-28 в пятой тяжелой танковой бригаде. Огромный Харьков, степи, где по балкам и оврагам прячутся от зимних ветров и летнего солнца украинские села. Певучий говор с непривычным мягким «г», неистребимые «семки», шелуха от которых не хуже палой листвы может покрывать дощатые тротуары, черные, сочные вишни. Новая техника и постоянные стычки с командованием в попытках выбить топливо и боеприпасы для проведения стрельб, тренировок и тактических занятий. Последняя беседа в кабинете командира бригады.

– Садись, герой, – комбриг махнул рукой на ряд стульев у стены. – Разговор у нас с тобой не на пять минут, нечего тебе во фронт тянуться.

Командира в бригаде уважали, человек он был правильный, бригаду любил, как собственного ребенка. Подождал, пока Фунтиков усядется, присел прямо на свой массивный, крытый зеленым сукном стол, сдвинув в сторону один из двух телефонов. Включил настольную лампу и взял со стола знакомый лист бумаги.

– Твой рапорт, твой. Пятый за месяц, не ошибся я? Читаю: согласно учебному плану... на подготовку механиков-водителей... практическая стрельба... моторесурс... Грамотно излагаешь, образованный. У тебя родители кто?

– Отец – телеграфист, мать – учительница, товарищ комбриг.

– Заметно. Что насторожился, думаешь, ругать буду? Все правильно написал.

Михаил почувствовал себя так, будто перед ним вдруг распахнули дверь, которую он собирался выбивать с разбега.

– Всё верно пишешь, товарищ старший лейтенант, не всё видишь. Учебный план это, конечно, хорошо, но снаряды для КТ-28 я только в этом месяце в округе выбил, и дали столько, чтобы НЗ на случай войны пополнить. А еще бригада каждый год по два парада откатывает. «Тридцать пятые» всем батальоном на Красную площадь ездят, «двадцать восьмые» в Харькове ходят, а это, старлей, уже вопрос политический – демонстрация мощи РККА друзьям и возможным противникам. На подготовку весь моторесурс уходит. И бензин тоже.

– Но... – растерялся Михаил. – А если война? Стрелки и наводчики по разу стреляли, механики только по площадям и проспектам водить умеют.

– Жизнь заставит – научатся, – вздохнул Батя. – Которые выживут. Пока важнее войны не допустить, отсюда – парады. А ты, значит, не навоевался еще? И холост.

– Да, товарищ комбриг, не женат.

Командир взял со стола вторую бумагу, протянул Фунтикову:

– Читай.

Подождал, пока подчиненный ознакомится с документом, забрал приказ, положил назад в папку.

– Пойдешь?

– Да, товарищ комбриг!

– Пиши еще один рапорт, старлей, думается мне, там тебе самое место.

Невысокий, наголо обритый парень, на широких плечах которого готова под напором мускулатуры рассестись по швам крепкая шинель, расхохотался:

– Потолкуешь еще, какие твои годы!

Пожилой грек в рабочей одежде, с сединой на темных курчавых волосах подошел к группе добровольцев и выдал длинную фразу, активно помогая себе руками. Бритый командир вдруг зачастил в ответ, почти не уступая докеру в скорострельности. Потом повернулся к старшему:

– Товарищ майор, просят отойти в сторону, они сюда сейчас снаряжение выгружать будут. Не желая мешать, командиры отошли почти к самому трапу судна.

– Ты, Котовский, за границей только в Финляндии был, и то дальше линии Маннергейма не проехал, откуда греческий знаешь?

– Из детства, товарищ майор. Беспризорничал в Крыму, тамошние рыбаки не дали с голоду помереть. А они через одного греки, если не больше, так и выучил. Само получилось.

Старший лейтенант Алексей Григорьевич Котовский сыном героя Гражданской не был и родственником не являлся. А однофамильцем назначил себя сам.

В шайке малолетних беспризорников, которая выживала, перебираясь из одного крымского поселка в другой, верховодил Яшка-гагауз. Был он лет на пять старше остальных мальков, водился со взрослыми ворами и контрабандистами, но пацанов в грязное вмешивать не давал, заменял салажатам и папу, и маму. Если бы не его постоянная опека, большинству детей не дожить до совершеннолетия – Крым двадцатых был местом безжалостным. Вечерами, когда мальки по-братски делились у костра дневной добычей, Яшка рассказывал замечательные истории. Чаще всего – о знаменитом атамане Ада, Григории Ивановиче Котовском, который еще при царях отнимал у буржуев богатства и раздавал бессарабским беднякам. Замурзанные детишки кутались в драные клифты, с горящими глазенками слушали, как знаменитый герой водил за нос царских жандармов, голыми руками ломал замки и тюремные стены, освобождал товарищей под носом у полиции. А после революции – кто не слышал о героическом комбриге Котовском?

Яшку прирезали на одном из воровских дел, ватага распалась. В августе двадцать пятого судьба привела Лешку в Одессу. У большого дома с колоннами висели приспущенные флаги с черными лентами, в двери медленно, по одному, проходили люди, на пыльной улице собралась длинная очередь.

– Дяденька! – потряс какого-то мужика за рукав Леха. – А чего это все туда прущца?

– Враги Котовского убили, такие люди попрощаться хотят, – ответил тот, и Ленка тихонько прошел, встал в конец очереди.

На следующий день в приемнике-распределителе на вопрос: «Как тебя зовут?» Леха выпрямился и, прямо глядя тетеньке в глаза, ответил:

– Алексей Григорьевич Котовский.

– Что, сын? – ехидно поинтересовался сидящий за соседним столом гражданин самого контрреволюционного вида – в пенсне и с нарукавниками.

– Нет, – честно ответил пацан, – но очень хотел бы быть.

Пораженная такой логикой тетка занесла в личное дело и фамилию, и отчество. Возраст парня определили на вид – десять лет.

Выгрузка помощи из Советского Союза идет круглосуточно, к вечеру семнадцатого ноября у северных окраин Салоник развернулся импровизированный палаточный городок. Импровизированный потому, что палаток с собой добровольцы не привезли, пришлось включать смекалку: растянули несколько танковых тентов на сбитых из жердей каркасах. Над трубами полевых кухонь курятся дымки, техника стоит в укрытиях, вокруг суетятся экипажи, проверяют и обслуживают.

В небо уставились длинные стволы зенитных трехдюймовок, из кузовов нескольких полуторок задрали рыла счетверенные «максимы». То и дело над городом и портом тройками про-

носятся «ястребки». Летунов и их технику выгрузили в первую очередь, они успели пару раз схлестнуться с итальянцами, больше фашисты днем над Салониками не появляются. Режут глаз восьмиконечные белые звезды на знакомых силуэтах. Пора привыкать.

Лейтенант Клитин проверяет подготовку машин роты. Танки не новые, все образца тридцать третьего года, но в Одессу поступили прямо с завода, с капиталки, и выглядят немного непривычно – другие гусеницы и тележки, очертания корпуса искажают листы дополнительной брони, изменилась форма кормы – ее подняли, чтобы разместить новый двигатель, способный тащить увеличившийся вес танка. На всех башнях – «короны» поручневых антенн – после того, как стали давать продукцию новые заводы в Чите и Иркутске, радиостанций хватает. Антенны монтируют теперь даже на танки, на которых нет радиостанций – почему командирские машины не должны выделяться, доходчиво объяснили расчеты противотанковых орудий противника в Испании, Финляндии и на склонах хасанских сопок.

Лейтенант шагает вдоль строя, проверяет, хорошо ли пришиты погоны и нарукавные нашивки, верно ли укреплены на пилотках кокарды. По команде бойцы снимают пилотки и предьявляют для осмотра иголки. Клитин не ленится, проверяет, достаточной ли длины вдетые нитки. Война войной, а порядок в армии никто не отменял.

Две недели тому назад лейтенант Клитин, тогда еще командир танкового взвода, так же прохаживался перед выстроенным личным составом. «Летучая мышь» скудно освещала кусок коридора, ведущего в помещение казармы. От рядов двухъярусных коек доносилось сонное дыхание спящих бойцов, а подчиненные лейтенанта осоловевшими глазами таращились на взводного.

– Если кто не понял, повторяю еще раз. Для того чтобы пришить пуговицу, необходимо взять иглу в левую руку, развернув ее острием вниз. Тогда ушко иглы окажется в удобном для вдевания нитки положении. Отмерив необходимое количество нити соответствующего цвета...

Топот сапог дневального, громкий шепот:

– Лейтенанта Клитина на выход!

– Кто? – не оборачиваясь, уточняет лейтенант.

– Командир батальона.

– Почему дежурного по батальону не вызывал?

– Товарищ капитан запретил! Сказал – не надо людей будить, – виновато пожал плечами боец.

Клитин повернулся к стоящему в трусах и брезентовых тапках личному составу:

– Отбой на сегодня, и смотрите мне, завтра еще раз проверю!

Комбат ожидал в батальонной курилке.

Капитан сидя выслушал доклад своего самого старого командира взвода, бросил окуроч в стоящую в центре огороженной деревянными скамейками площадки снарядную гильзу.

– Все никак не уймешься?

– Не понял вопроса, товарищ капитан!

– Ты зачем людям неделю спать не даешь? Мне доложили, я не поверил. Сам решил посмотреть.

– Проводил занятие по приведению в порядок формы одежды, товарищ капитан. На вечерней поверке рядовой Чумак стоял с пуговицей, болтавшейся на одной нитке. На замечание отреагировал неправильно, и я как командир взвода принял решение о проведении занятия.

– Ночью?

– Днем по расписанию взвод будет находиться в разных местах, товарищ капитан, а после обеда застывает в наряд!

Комбат выматерился и попытался взглянуть в лицо подчиненному. Не вышло – слишком мало света давала тусклая лампочка, болтавшаяся на столбе под жестяным конусом.

– Ты понимаешь, что они тебя ненавидят?

– Я требую от них точного исполнения уставов, товарищ капитан. Выполняю свой служебный долг!

Комбат задумался. Неприятный подчиненный и в самом деле ни разу не нарушил требования Устава. Формально. Но иметь такого командира в батальоне ему не хотелось. И способ избавиться от него был.

– Лейтенант, роту получить хочешь?

Из роты можно сделать неплохой инструмент, – решил Клитин. Бойцы молодые, неиспорченные, исполнительность на высоте, форма одежды в порядке. Жаль, индивидуальная маркировка предметов формы и снаряжения запрещена приказом.

– К машинам!

Пришло время проверить подготовку техники.

На карте разложены: циркуль-измеритель, целлулоидная линейка и красно-синий карандаш «Тактика». Чертовы греки, не могли кириллицу выучить или на латинские буквы перейти. Попробуй составить маршрут, если все надписи на карте исполнены нечитаемыми крючками. Переводчик простым карандашом подписал названия сел и городов по основному маршруту, а если маршрут придется менять? Ладно, один хрен московский мамлей хвостом таскается за комбатом, будет надо – еще раз подпишет.

Майор Барышев, на свою голову, первым прибыл в штаб Одесского военного округа и немедленно был назначен командиром танкового батальона, с корабля на бал угодившего на греческую войну. Две недели на всё про всё, из них четыре дня занял морской переход. Остальным будет легче, следующий конвой через неделю, успеют больше.

Майор, мужчина не глупый, давно смекнул, что предписание на убытие к новому месту службы получил в тот же день, в который Муссолини приказал бомбить Грецию. Тогда здесь, в Салониках, попал под фашистские бомбы линейный крейсер «Фрунзе» – гордость советского народа, прославившийся еще в Испанскую. Инцидент дал советскому руководству повод оказать помощь в отражении агрессии. Значит, ждали этого в Кремле, раз начали людей собирать заранее. Понимал Барышев много, а говорил мало, может, поэтому и оказался на войне сразу после лечения в госпитале и санатория.

Батальон набран с бору по сосенке из четырех округов, взводные и командиры экипажей все, как один, последнего выпуска, комсомольцы-добровольцы, зелень необмятая, половина рядового состава больше времени в частях провела, чем они. Всего времени на слаживание – пока до фронта доберутся. Зато с ротными повезло – два ветерана, битые-стреляные, орденосцы опять же. Тому комбригу, который Фунтикова от сердца оторвал, майор и вовсе цистерну водки должен – иметь в батальоне ветерана, который два года дрался с итальянцами, да еще в горах, Барышев и мечтать не мог. С Котовским комбат немного знаком – на соседних участках о линию Маннергейма бились. Клитин немного непонятен – слишком долго во взводных командирах ходил, но характеристика с последнего места службы хорошая, и технику лейтенант знает.

С матчастью проблем быть не должно – техника прибыла в Одессу с заводов, после капитального ремонта – кроме самоходок, эти и вовсе новенькие. Тоже, между прочим, до инцидента с «Фрунзе». С техникой ожидали личный состав представители АБТУ и заводские специалисты, был даже один американец. Некоторые прибыли с батальоном в Салоники. Дураку ясно – будут проверять модифицированные танки в боевой обстановке. Заодно помо-

гут с ремонтом, не все им сидеть по ленточкам с протокольными мордами. Майор сложил карту в планшет и выбрался из-под навеса.

– Прорвемся, боец, – сообщил он сидящему у телефона связисту и направился к ожидающему его автомобильчику. Впервые в жизни из штаба за ним прислали таксомотор.

Треск мотоциклетного мотора ранним утром мертвого на ноги поставит, но во временном военном городке спящих давно нет – личный состав заканчивает мыть котелки. Мотоциклистов накормили в первую очередь, они рванули по маршруту – посмотреть состояние дорожного полотна, мостов и выбирать места для привалов. За мотоциклистами снялось тыловое хозяйство – до фронта далеко, машины по холодку доберутся до места обеденного привала, к приходу колонны обед будет готов, умывальники оборудованы. Когда габаритные огни грузовиков с кухнями исчезли за холмом, заревели, прогреваясь, танковые моторы.

Фунтиков поморщился – его первую роту командир батальона поставил замыкающей – если танк скиснет на марше, придется его волоочь на буксире. Тяжелые, мощные Т-28 для этого подходят лучше других машин. Но из-за этого вся копоть и поднятая колонной пыль достигнут первой роте.

Залязгали гусеницы, начали вытягиваться вдоль дороги танки Котовского. За ними – управление батальона, радиостанция, штабной грузовик и одна из машин зенитно-пулеметного взвода. Несмотря на несколько инструктажей, туда же полез доктор на крестonosной полуторке, и какое-то время с дороги слышалась громкая командирская речь капитана Мотылевича – помкомбата объяснял доктору глубину его заблуждений. Пока «санитарку» вышибали из колонны, за штабом выстроилась батарея самоходок – шесть СУ-пятых гордо задрали к небу толстые короткие стволы двадцатидвухмиллиметровых гаубиц. За каждой самоходкой следует транспортер боеприпасов.

Самоходчиков подпер Клитин. Многовато он суетится – бегаёт, флажками машет, орёт. Хотя... Его первая рота, первый марш. Привыкнет – успокоится.

Когда последний танк третьей роты занял свое место, Михаил на всякий случай прижал пальцем к горлу ларингофон:

– Вперед!

Спаренные моторы с надписью «Caterpillar» на блоках цилиндров аккуратно, почти без рывка, сдвинули с места тридцатитонную махину танка. Привычное ухо сразу различит – не М-17. Звук тише, мощность выше, а аппетит меньше. Топливо – обычный автомобильный бензин. Моторы, даром что подписаны не по-русски, изделие вполне советское – изготовлены в Чите, на паевом предприятии² «Красный Катерпиллер». Качество прекрасное. На коробках передач и фрикционах модернизированных танков тоже надписи по-английски, хоть и выпущено все между Томском и Владивостоком. Танки с индексом «Э»³ Фунтикову нравятся, особенно Т-28. Восемьдесят миллиметров лобовой брони это не фунт изюму, проклятый ПАК – тридцать семь, угробивший в Испании большую часть республиканских танков, ее

² В мире «Фрунзе» американские промышленники во время Великой Депрессии получили возможность сохранить наиболее ценные инженерные и рабочие кадры, временно командировав их в Советский Союз, на вновь создаваемые паевые предприятия, продукция которых делилась на паях между учредителями – Советским Союзом и американской компанией. Впрочем, в первые годы СССР выкупал у заокеанских партнеров их долю продукции, так как мировой спрос на двигатели, самолеты, автомобили и прочее был невелик. В тридцатых американцы начали продавать часть своей доли за рубеж, такая продукция в СССР пошлинами не облагалась.

³ По опыту войны в Испании советская промышленность начала разрабатывать меры по увеличению живучести танков, составлявших основу парка РККА – Т-26, Т-28 и семейства БТ. Бои в Финляндии только подтвердили необходимость модернизации. Более развитая, чем в нашей истории, промышленность позволила произвести доработку большого количества техники. Так, на Т-26 значительно усилили бронирование башен и лобовой проекции корпуса, доведя общую толщину брони до 40 миллиметров, экранировали борт корпуса (суммарная толщина 25 мм). Для компенсации значительно возросшего веса пришлось усилить подвеску и ширину гусениц, установить более мощный двигатель. Не столь многочисленные Т-28 все прошли модернизацию с усилением брони, вооружения и заменой моторов.

в упор не возьмет. Куда итальянцы могут засунуть свои ружья «Солотурн», пусть им католические священники объяснят, они по причине celibата должны быть в курсе. Новая пушка танка не только способна проломить навывлет любой танк мира, но и батарею тех же ПТО смешает с землей, не сильно напрягаясь. Запас хода на одной заправке вырос, не сильно, но и это в копилку пошло. Если указанные в паспорте данные о пробеге до текущего и капитального ремонтов окажутся правдой – держись, Муссолини, придем в Рим, а моторесурса еще на сотню парадов хватит.

Жаль, таких аппаратов всего пять на бригаду, не по карману они греческой республике. Эта пятерка – подарок грекам от братской страны, поэтому остальные десять танков в роте – Т-26. Прекрасные машины, много лучше погибшего на франко-каталонской границе «Красного смельчака», но все-таки не то. Михаил согласен с остальными ветеранами – проходит время легких танков. Будущее за средними и тяжелыми машинами.

Пока за танками становились в колонну две батареи противотанковых сорокасемимиллиметровок, грузовики и заправщики, Фунтиков еще раз проверил зенитный пулемет – заряжен ли, легко ли турель поворачивается, посмотрел на плывущие по небу облака через проводочные круги прицела. Глядя на ротного, завертели пулеметами командиры остальных машин. Правильно, у фашистов сильная и многочисленная авиация, не просто так все танки батальона вооружены зенитными пулеметами. До фронта чуть больше полтора верст, это по дорогам. Для самолета – меньше. Налет возможен в любую минуту.

Наконец колонна выстроилась, командиры рот и взводов вскинули над головой флажки, докладывая о готовности к движению, затем по очереди каждый продублировал отмашку комбата: «Вперед!» Усилился гул моторов, и дальние башни стали уменьшаться.

Двинулись.

Ровно работает мотор, равномерно лязгают траки – правая гусеница по щебню обочины, левая – по асфальтовому покрытию шоссе. Неспешно ползет навстречу греческая земля, колыхается под задницей командирский танк. Если человек не полный дурак, после двух-трех поездок на броне обзаведется подстилкой, чтобы уберечь зад от тряски и холода. По этой причине старший лейтенант Котовский движется навстречу подвигам, восседая на выдавшей виды суконной подушечке, набитой гагачьим пухом.

– Талисман, однако, – сказал старшина Тингеев, вручая любимцу бригады собственноручно изготовленный предмет. – Хороший охотник зверя, птицу бьет, шкуру и перья себе берет. У этой кукушки шкура шибко рваная была, на куртку не хватило. Пусть теперь тебе зад греет, самое ей место.

Наглый финн три дня не давал танкистам покоя, подбирался на лыжах, давал пару очередей из автомата и исчезал раньше, чем красноармейцы успевали открыть ответный огонь. Небось, радовался, гад, слыша за спиной звуки залошнной стрельбы.

Бригада пробивалась сквозь снега Карельского перешейка без пехоты, и гоняться по тайге и болотам за наглым беляком было некому. Как Котовский почувал, откуда собирается стрелять этот мамин сын, он и сам понять не мог, как толкнул кто под руку. Всадил снаряд в ничем не примечательную кучу валежника, а он угодил автоматчику прямо в бок. Чудом, причем вдвойне, потому что замотанный заряжающий загнал в пушку не осколочный снаряд, а бронебойный. Финна разорвало пополам. Автомат «Суоми» вместе с запасным магазином ушел в штаб бригады и забыл вернуться, нож Алексей оставил себе на память, а из остатков шинели и теплой куртки диверсанта старшина-якут изготовил эту самую сиделку.

Да, год назад под гусеницы его танков ложилась совсем другая местность – заваленная снегом и минами, промерзшая до звона земля Карельского перешейка. Здесь за час удастся пройти столько, сколько там зубами подтягивали под танки за несколько дней. Смуглые чернявые люди, завидев колонну, не разбегаются. Останавливаются, улыбаются, машут руками.

Котовский по привычке краем глаза следит – не замахнется ли кто, не вскинет ли винтовочный обрез. Ничего не поделаешь, такие рефлексy. Условные. Не сильно, выходит, отличается человек от собачек профессора Павлова.

Ползут навстречу рыжие холмы, тускло блестят по сторонам пятна воды, не разобрать сразу – лужи или болотца. Лесов практически нет, так, кусты. Если деревья, значит сад, скорее всего – маслины. Это добро в засоленном виде пробовали все, старшина привозил. Зеленые Алексею понравились, напомнили соленые огурцы, а черные – не пошли, слишком жирные. Глаз по привычке примечает удобные для развертывания места и укрытия, высматривает под вялой травой овраги и промоины.

Изредка проезжают встречные грузовички. Конные повозки встречаются чаще, но больше всего на дороге тележек, запряженных неприхотливыми осликами. Один из серых тружеников разглядел из-под шор колонну, испугался и заорал, прижав длинные уши. Котовский привстал с брони и повернулся, проводил орущего зверя взглядом – надо же, зверь небольшой, а ревет не хуже парохода.

После обеденного привала осмотрели технику, проверили регулировки. Удивительно, шестьдесят километров марша, а в батальоне ни один танк не сломался. Расскажи кто такое – не поверил бы. Климат им тут подходит, что ли? Пока от границы до линии Маннергейма шли, каждый танк по два-три раза чинили. Зима, конечно, морозы, но и летом на учениях маршрут прошедшей части днем легко определить по стоящим у обочин танкам, а ночью – по громкой ругани экипажей.

После привала пересекли по бетонному мосту широкую реку. Алексей заметил задранные к тучам стволы и незнакомые каски расчетов, дернулся нырнуть в башню, потом смекнул – греки. Удивило, что союзники не пялились дружно на проходящие танки, а продолжали смотреть за воздухом. Если все греки так службу волокут, значит, толковая у них армия. Хорошо.

Пару раз над дорогой проходили тройки самолетов – высоко, под самыми облаками. Не понять, свои или чужие. Ближе к вечеру на горизонте показались горы. Надо после ужина раскрутить Мишку на рассказы про Испанскую – пусть народ послушает, да и самому не помещает. Ну, и опытом поделится. За битого, как говорят...

До финских укреплений они добрались после долгих мытарств, потеряв множество людей и немало танков, причем мороз и болезни положили больше людей, чем минные поля и кочующие снайперы. С той поры не любит Котовский интендантов. Имей тыловые крысы чуть больше мозгов и хоть каплю совести, сколько людей сберегли бы! Когда моряки и десантура вырвали у финнов победу, большую часть тыловиков отдали под суд, за вредительство. Алексей считает – правильно сделали. Не можешь обеспечить солдат едой и обмундированием, обеспечивай промышленность древесиной. На лесоповале им, харям раскормленным, самое место.

Отмучились с предполем, уперлись в финскую оборону. А там – незамерзающие болота, минные поля, за ними – надолбы во много рядов, бетонные доты, прикрытые полевой и противотанковой артиллерией. Где местность позволяла, финны понастроили эскарпов в два танковых роста высотой. Кто-то в штабе армии на карте стрелки нарисовал, приказ издал, и покатились в светлое будущее стрелковые цепи и ряды легких танков. Иногда вместе, но чаще – порознь. И горячая кровь, и горящий танк топят под собой снег, но все равно снега осталось больше, чем растаяло, хотя ни крови, ни танков не жалели. Когда оказалось, что войск уцелела треть, а толку – чуть, в штабах растерялись и стали думать, кто виноват.

Алексею виноватых искать нужды не было. Знал – будь на его месте Григорий Иванович, враги давно топали бы в сторону пунктов временного размещения. Колоннами и под конвоем. Не присвоенная фамилия и не ежедневная гимнастика по системе доктора Анохина делают человека героем, головой думать надо. Леха остался в роте старшим из уцелевших командиров.

Вместе с механиками копался в потрохах эвакуированных с нейтралки танков, гонял в хвост и гриву прибывающее пополнение. Свободного времени не было, на сон не хватало, но Котовский пытался придумать способ прорыва.

Пока бригады и дивизии на земле зализывали раны, оправляясь от последствий проявленного героизма, на врага навалилась авиация. Это было страшно – дрожал разодранный сотнями винтов воздух, тонны бомб поставили на дыбы всю грязь ближайшего болота. Потери среди зимовавших там лягушек наверняка были страшные. По какой-то причине одна из эскадрилий СБ накрыла бомбами кусок минного поля перед финскими укреплениями, прихватив часть противотанкового рва – немного, всего несколько метров, но Котовский понял – оно, и метнулся к комбату.

Через полчаса комбриг пошарил биноклем по переднему краю, расправил пышные усы, машинально поискал на боку рукоять шашки, не нашел, расстроился и сказал:

– Пробуй, Котовский. Под мою ответственность.

В роте на тот момент имелось шесть боеспособных Т-26, еще удалось привести в относительно рабочее состояние приبلудный химический танк первых выпусков. Пронырливый Тингеев сумел добыть в замороженном тылу несколько бочек огнесмеси.

С вечера пошел снег, повезло. Саперы поползли от воронки к воронке, обезвредили уцелевшие мины. Алексей сел за рычаги переднего танка, чтобы некого было винить, если задуманное не получится. Получилось – от удара в борт обгоревший корпус машины командира роты опрокинулся в ров. По нему, как по мосту, прошли пять танков, шестой сорвался и слетел в ловушку, но финнам это помогло мало – Т-26 заблокировали корпусами амбразур двух укреплений. Неорганизованную контратаку сынов Суоми отбили вместе с пехотой, дали саперам время для подрыва всех входов и амбразур. Гарнизоны дотов остались внутри – заживо замурованными. Радостный комбриг расцеловал Котовского перед строем, красиво махнул рукой и повел бригаду на прорыв – резать коммуникации. Через три дня Алексей, отделавшись контузией и проникающим пулевым в мягкие ткани верхней трети бедра, с боем вывел к своим два десятка бойцов – все, что осталось. И комбрига вытащил – с простреленными коленями. Старый буденновец не доехал до госпиталя, умер по дороге. Котовскому за все заслуги в совокупности дали орден Красной Звезды.

Подушечку старшина Тингеев привез Алексею в госпиталь. Вместе с вещами. Хороший мужик, большой души, только ростом не вышел.

Доты на том участке противник восстановить так и не сумел, очередное наступление имело все шансы на успех, но моряки и десантники ударили по Хельсинки раньше, поразив врага прямо в сердце.

Местность, по которой проходит маршрут движения колонны, лейтенанту Клитину не нравится, наталкивает на тревожные мысли. Рельеф сложный, сильнопересеченный, по мере движения ухудшается, при этом маскирующие качества местности становятся даже хуже – чем дальше от реки, тем меньше древесной и кустарниковой растительности по краям дороги. Среди пасущихся на склонах холмов овец танки не замаскируешь. Лейтенант бдительно следит за движением роты, не забывает на привале сделать замечание командиру взвода за растягивание колонны, но в глубине души доволен – его танки идут намного четче, чем самоходчики. Колонна артиллеристов больше всего напоминает гармонию, на которой лихой виртуоз наяривает цыганочку. Танки третьей роты четко держат установленную скорость, ровно двадцать километров в час, вправо – влево по дороге не мотаются. Порядок в танковых войсках.

Долгий марш на такой скорости вызывает притупление реакции, поэтому командирам машин нельзя долго смотреть в одну сторону. Клитин постоянно осматривает окрестности в установленном для себя порядке: голова колонны, машины роты, местность слева, затем справа от колонны, с переносом внимания от себя в глубину.

Тройка самолетов, со снижением заходящих на колонну слева, выпала из гармонии окружающего пространства, притянула к себе внимание лейтенанта. Между прыжком в люк и поворотом турели зенитного пулемета он успел прижать большим пальцем тангенту:

– Воздух! Слева, три самолета! – и выпустил длинную очередь навстречу атакующим бипланам.

С небольшим запозданием впереди подают голос счетверенные «максимы», и самолеты отворачивают, набирают высоту. Мелкие бомбы итальянцев взрываются с большим недолетом. Пятнистые самолеты непривычных очертаний не спешат уходить, разворачиваются и снова ложатся на боевой курс. Зря. Теперь, когда по ним стреляют десятки пулеметов, к колонне им не прорваться. Лейтенант меняет диск на пулемете и ведет стволом, рассчитывая правильное упреждение.

Когда долина Вардара осталась позади и начались предгорья, Михаил стал чаще оглядываться по сторонам. Вспоминал Каталонию, выискивал совпадения и различия, но существенно отличалось лишь небо – Испания запомнилась беспощадным солнечным светом и тем самым синим безоблачным небом. А здесь над головой сплошная пелена облаков, серых, как будни обывателя. Остальное похоже – оливы, виноградники, пасущиеся на склонах холмов овцы, тройка остроносых «фиатов» «Чирри», закладывающая вираж сбоку от колонны. Фунтиков даже не сообразил сразу, что итальянские истребители заходят в атаку не в воспоминаниях, а на самом деле. Мозги заработали, когда впереди простучала пулеметная очередь. И сразу вспомнилось: итальянцы тройками не летают. Поэтому вместо того, чтобы азартно ловить в прицел верткие самолеты, Михаил оглядывается по сторонам.

Как и следовало ожидать, остальные «фиаты» находят быстро – всей девяткой выскакивают из-за вершук холмов справа – сзади. Михаил приподнимается над башней, отмахивает сигнал: «Делай, как я» разворачивает свой ДТ в сторону новой угрозы.

Сорвать атаку итальянцев огнем нескольких пулеметов не получается – большая часть расчетов азартно лупит в другую сторону. Но и такой встречный огонь заставляет пилотов нервничать – когда визг бомб сменяется ударами разрывов, клубы грязно-серого дыма безобидно вспухают в поле по обе стороны от дороги.

– Промазали, суки! – Михаил орет, но слышит его только экипаж по внутренней связи – вой самолетных моторов, стук пулеметов и лязг гусениц глушат любые звуки.

Михаил уводит роту вправо, разгоняет в стороны, но итальянцы на вторую атаку не решаются, уходят на запад с набором высоты. За одним из бипланов тянется серая дымная полоса.

– Стой! Моторы не глушить! – Михаил встает на башне, чтобы осмотреться.

Колонна рассыпалась, лишь два грузовика остались на шоссе. Один разгорается, медленно, как бы нехотя. Второй развернулся поперек дороги, гонит струю пара из простреленного радиатора. По обочине, придерживая большую брезентовую сумку, бежит доктор – значит, есть раненные, возможно – убитые. Холодный ветер сносит пороховую гарь. Михаил успевает удивиться – воздух почему-то пахнет парным молоком.

«До фронта не доехали, один налет устаревших истребителей и такие потери. Обделались по полной программе, что еще греки про нас подумают...»

Фунтиков меняет диск на пулемете, достает из чехла флажки – отсюда надо сматываться, пока не появились бомбардировщики. Поэтому он собирает роту на дороге и несколько минут распекает командиров машин – чтобы лучше запомнилось. Чуть позже комбат повторяет процесс для командиров рот и батарей.

Через десять минут батальон уходит, разогнавшись до максимальных тридцати километров в час. Пулеметы на танковых башнях повернуты на разные борта – нечетные влево, четные пасут небо справа от колонны. Горящую полуторку столкнули в кювет, ее ржавый скелет останется на обочине в роли дорожного знака «прочие опасности».

С каждым пройденным километром батальон поднимается выше в горы. Заметно похолодало, время от времени из низких туч начинает сыпаться снежная крупа. В такую погоду повторного налета можно не опасаться, и комбат приказывает снизить скорость до двадцати километров в час – экономия топлива и ресурса моторов еще в танковой школе накрепко вбита в командирские головы. По мере продвижения на запад меняется местность, чаще попадаются высокие деревья, в основном пирамидальные тополя. Куда ни глянь, взгляд натывается на голые сады и виноградники. То с одной стороны, то с другой тянутся вдоль дороги серо-желтые, крытые рыжей черепицей дома, на их фоне уродливо смотрятся связанные из жердей кривые темно-серые заборы. Вперемешку с жилыми домами и отдельно от них разбросаны хозяйственные постройки довольно неопрятного вида. Иногда на склонах холмов открывается вид на совсем другие здания – с колоннами, увитые лозами, окруженные рядами деревьев.

– Буржуи живут, как пить дать! – показывает на одну из вилл Федька Баданов по кличке Хлястик. Парню от природы досталась настоящая богатырская стать, этакий Илья Муромец в танковом комбинезоне. Бойцы смеялись, что хлястик Фединой шинели обычный человек может вместо поясного ремня использовать. Если и было в этом преувеличение, то совсем небольшое. Трехдюймовый снаряд в Фединых лапах кажется предметом маленьким и совершенно невесомым, поэтому Михаил и забрал его заряжающим в командирскую машину. Вопреки распространенному мнению, парень вовсе не добродушный увалень, повадкой больше напоминает молодого медведя, одетого в военную форму. Остер на язык, соображает быстро, глаз имеет верный и приметливый, как и положено потомственному сибирскому зверобою. Час тому назад, на последнем привале, Федор попросил разрешения выставить любопытную башку из башенного люка.

– Выспался? – поинтересовался у него Фунтиков.

– И выспался, и не спится после бомбежки. Разрешите, товарищ старший лейтенант!

Глядя на эту невинную рожу, легко поверить – не разрешишь, и помрет несчастный боец от неутоленного любопытства. Прямого запрета на такую езду нет, а лишняя пара глаз не мешает.

– Вылезай, только возьми что-нибудь под зад постелить, – разрешил Михаил.

– Есть под зад постелить! – расцвел Баданов и скрылся в недрах боевого отделения.

Время от времени по команде комбата танки прибавляют ход и обгоняют очередной обоз – автомобилями греческая армия небогата. Заслышав за собой гул моторов, принимает к обочине бредущая на войну пехота. Греческие солдаты выглядят непривычно – в пилотках, отвороты которых опущены, чтобы прикрыть от холодного ветра уши, в смешных шинелях-колокольчиках.

– Чисто бабы в сарафанах, – морщится Баданов.

– Зато воюют как настоящие мужики, – одергивает рядового ротный.

Чернявые носатые греки белозубо улыбаются танкистам, что-то кричат, машут руками и снятыми касками. Михаил в ответ подносит к шлему ладонь правой руки.

За очередным поворотом над склоном холма половинками яичной скорлупы поднимаются купола. Церковь красива строгой простой красотой, никаких вычурных деталей, столь любимых архитекторами. И место выбрано с умом – небольшое строение из желтоватого местного камня возвышается над холмом и, кажется, к самому небу возносит символ православного христианства.

– Во попы понастроили, чистый опиум для народа! – опешил комсомолец Баданов.

– Здесь народ набожный, Федор, до атеизма не доросли еще. Агитацию не вздумай развести, не лезь в чужой монастырь со своим уставом!

Рядом с церковью, на обочине одинокой черной вороной стоит старушка, по самые глаза замотанная в траурную ткань. Спокойное, почти неподвижное загорелое лицо и нервные, не знающие покоя руки. Бабушка прижимает к груди небольшую темную икону без оклада и, не

останавливаясь, крестит идущих мимо солдат. Те стаскивают каски и размашисто крестятся, глядя на церковные купола. Когда головной танк с грохотом и лязгом выкатывается перед старухой, она замирает, вглядывается выцветшими глазами в непонятную машину, потом вдруг кланяется и благословляет танки иконой. Долго смотрит им вслед, машинально вытирает выступающие на глазах слезы концом головного платка, но подходит очередная рота, и она снова поднимает уставшие руки.

– Чего замолк, сладкоголосая птица юности? – Михаил толкает Федора локтем.

– Так, товарищ старший лейтенант, старуха эта... Глаза... – бойкий парень растерян и удивлен. – Как теперь дальше? Она же снится будет!

– А вот так и жить, Федя. Чтобы потом было не стыдно в эти глаза посмотреть.

Ротный помолчал. Потом, неожиданно для себя, продолжил:

– У меня вот прошлый раз не вышло, хоть и нет в том моей вины.

Дальше ехали молча, думая каждый о своем.

К полудню девятнадцатого ноября батальон без особых происшествий вышел к албанской границе. Не считать же происшествием утреннюю бомбежку при снятии с лагеря – греческие истребители перехватили бомбардировщики на подлете, и те высыпали содержимое бомболожков далеко от цели. Бомбы перепахали горный склон, а часть листовок ветер донес до прогревающихся моторы танков. Ушлый Баданов притащил одну командирку роты. Михаил расправил на броне смятый листок. Бумага невысокого качества, часть букв смазана и шрифт непривычный – будто подшивку «Нивы» в библиотеке листаешь.

БРАТЯ!

Приказы безбожного большевистского правительства в очередной раз пытаются заставить лучших сынов РОССИИ кровью заплатить за осуществление своих людоедских планов!

Вам лгут о необходимости защитить страну, подвергшуюся нападению злобного агрессора. НЕ ВЕРЬТЕ наглому брехне сталинских прихвостней! Наследники великой Римской империи встали на защиту порядка и веры от коммунистов, обманом захвативших власть в православной Греции!

Доблестный воин! Поверни оружие против комиссаров, переходи на сторону единственной силы, способной сломать хребет краснопузой сволочи, что загнала великий Русский народ в колхозы и лагеря! Правительство Италии гарантирует сохранение жизни и свободы, и предотвратит возможность сражаться с нашим общим врагом – коммунистами в рядах свободного русского легиона!

В противном случае все не греки, захваченные непобедимой итальянской армией, будут считаться бандитами и будут расстреляны на месте! Глупцы, вставшие на пути доблестных фашистских легионов, будут уничтожены!

Сделав правильный выбор, предъяви эту листовку представителю итальянской армии.

– Хоть бы ошибки исправили, грамотеи. Но яти с ерами убрать догадались... Гляди, Федор, как легко белое за черное выдавать, если совести нет. Греки их, считай, голыми руками лупят в хвост и гриву, а они – «непобедимая итальянская армия». Кретины. Похоже, беляк писал, недобитый. СвободнАго РусскАго, как же. Содержание отрабатывает, холуй фашистский.

Фунтиков складывает листовку и бросает в командирскую сумку:

– Политруку отдам, пусть вечером политинформацию организует. Федор, зачем тебе столько? Сдаваться собрался?

Боец, ничуть не смущенный тем, что Фунтиков увидел его с целой пачкой прокламаций, широко улыбается:

– Газеты-то или будут, или нет, а это даже рвать не нужно – как раз размер подходящий, товарищ старший лейтенант! – и под дружный хохот экипажа кидается ловить очередную порцию бумаги.

На марше ротный замечает, что Федору какая-то мысль не дает покоя – боец шмыгает носом, вертится, но задать вопрос решимости не хватает.

– Не мельтеши, боец, танк раскачиваешь. Спрашивай уже.

– Я про листовку, товарищ старший лейтенант. Вы сказали – греки их голыми руками лупят. А в Испании фашисты победили ведь. Вы нам вчера рассказывали, как там воевали.

Федор смотрит на командира, не зная, рассердится тот или нет.

Как ему объяснить-то доходчивей?

– В Испании, Федя, не фашисты победили. Там республиканцы проиграли. Порядка не было, каждый сам по себе воевал – коммунисты наособицу от анархистов, только интербригады дрались нормально. Потом буржуи блокаду организовали. Я как-нибудь подробнее расскажу. Смотри за небом внимательнее, тучи сегодня выше поднялись, не свалилось бы на головы что-нибудь потяжелее листовок.

Передовая – гнездо огромного паука. Бегут во все стороны, пересекаются под всеми возможными углами провода полевых телефонов, заплетают ловчей сетью полосу в десять-пятнадцать километров вдоль линии фронта. Укутанные в изоляцию тонкие медные жилки – нервные волокна современной войны. Конечно, есть радио, только не всякий приказ стоит орать в эфир. Кроме того, радиостанция вещь дорогая и хрупкая, имеет склонность жаться к большим штабам. В стремительной атаке танковой лавины, в кабине самолета альтернативы радиосвязи нет, но простые пехотинцы и артиллерия все еще вертят ручки полевых телефонов. Повинуясь электрическим импульсам, отправляются к невидимым целям снаряды, перемещаются массы войск и поднимается в атаку пехота. Бывает, по неосторожности или из-за шального осколка паутина рвется, но это не критично: бегут вдоль линий паучки-связисты, суетятся, не находят покоя, пока не восстановят разорванную нить.

Первый признак приближения к линии фронта – артиллерийская канонада. На подходах к осажденной греками Корче она почти не слышна, так, редкие одиночные выстрелы. Греки экономят боеприпасы, а итальянский гарнизон зажат с трех сторон и снабжается по горным тропам – на спинах мулов много снарядов не привезешь.

Именно идущий в укрытую долину телефонный кабель говорит Котовскому – где-то там ждут команды на выход к передовой резервные части. Крыши богатой усадьбы и целые жгуты проводов – штаб. На горе – крупный командный пункт или узел связи, следующая линия наверняка уходит к позициям дивизионной артиллерии. За холмом несколько раз с долгими перерывами ахает пушка серьезного калибра, снаряды с воем раздирают холодный воздух и уносятся куда-то к невидимой цели. Алексей довольно кивает – правильно догадался.

Позже становится различима трескотня ружейно-пулеметного огня. Вокруг – привычная суета ближнего тыла. Бегут и скачут посыльные, группами и целыми подразделениями марширует пехота, поднимаются дымки костров и полевых кухонь. Треплется на ветру белый флажок с красным крестом. Большая часть звуков не слышна из-за шума моторов и лязга гусениц, поэтому происходящее воспринимается как немое кино.

Машет руками боец-мотоциклист в танковом шлеме. Понятно, танкистам – сюда, и танки съезжают с дороги, уходят в заросли незнакомого кустарника, замирают поротно, глушат моторы.

После трех часов марша тишина давит на уши. Выбираются из удобных кустов бойцы, на ходу застегивают пояса – стеснительность в армии понятие отвлеченное. Механики привычно лезут с осмотром по люкам, лючкам и точкам смазки, изучают состояние катков и гусеничных лент. Экипажи раскатывают брезенты, проглоты принохиваются, пытаются определить,

где именно расположились батальонные кухни. Командиры отдали привычные и по большому счету ненужные – и так все знают, что делать – распоряжения, и стянулись к штабным машинам, ждать приказов. На подножке радиальной машины развалился капитан Мотылевич, придерживает левой рукой полевую сумку, бока которой распирает пухлая склейка карт. Курит в сторонке застегнутый на все пуговицы Клитин, с хозяйским видом оглядывает окрестности Фунтиков, что-то быстро пишет в блокноте командир самоходчиков капитан Козлонов. Алексей подходит к командиру первой роты, хлопает по плечу осторожно – на его фоне Михаил смотрится хрупкой игрушкой.

– Как думаешь, скоро нас под молотки кинут?

Фунтиков нехотя отрывается от созерцания засыпанных снегом вершин.

– Думаю, скоро. Чего гадать – комбат вернется, доведет обстановку.

Долго ждать не пришлось – майор Барышев выпрыгнул из коляски мотоцикла, кивнул сидящему на заднем сиденье комиссару и направился к штабному грузовику, бросив на ходу:

– За мной, товарищи командиры!

Глава 2

Тучи над городом

Уго Кавальеро. «Записки о войне».

Дневник начальника генерального штаба

Ноябрь 1940 года

18 ноября

Вчера вечером состоялась аудиенция у Муссолини. Он начал разговор издалека. Потом разговор зашел об Албании. Я коротко доложил ему положение на фронте.

Муссолини спросил:

– Вам и эта проблема известна?

– Я всегда считал своим долгом быть в полной готовности для служения Родине, – ответил я ему.

Муссолини широко раскрыл глаза. Видно было, что он доволен, хотя и несколько удивлен. Тогда он сообщил мне действительную причину вызова, но высказал ее в форме предложения:

– Кризис неотвратим. Вы, вероятно, станете преемником Бадольо.

Ночью подморозило, под утро окрестности Корчи слегка припорошило снежной крупой. На белесой поверхности танковые гусеницы оставляют длинные спаренные следы – темные полосы на белом расходятся, сходятся, накладываются одна на другую, пересекаются, разделяются и выстраиваются почти параллельно друг другу. С этого места картина при взгляде сверху, должно быть, напоминает страницу школьной тетрадки в линейку.

Михаил помотал головой – какие только мысли ни приходят в голову перед атакой! В прицельной панораме раскачиваются ползущие навстречу дома, кусты и деревья. Трехбашенный Т-28 танк длинный, небольших ям и канав не замечает, а вот любая кочка сбивает прицел. Бить из пушки придется с коротких остановок – всяких бугорков, брустверов и насыпей впереди множество.

До сложенных из дикого камня домов Корчи почти пять километров, несколько линий окопов и жидкое заграждение в несколько рядов колючей проволоки, что кое-как висит на неровно вбитых кольях.

На обозримом пространстве артиллерийских орудий противника нет. Значит, спрятаны за домами и заборами.

Фунтиков выбрал в качестве ориентира приметное здание:

– Гриша, темный двухэтажный дом, крыша не рыжая, а серая, видишь?

– Вижу, товарищ командир, – в наушниках голос мехвода узнать трудно – ларингофон снимает колебания с горла говорящего, звук получается неестественный. Зато посторонние шумы не передаются.

– На него держи.

– Понял!

Мир в прицеле слегка поворачивается – Белоконь выполнил команду. Ротный приоткрыл люк, чтобы убедиться – танки роты поправили курс, равняясь по командирской машине.

Вокруг итальянских окопов поднимается в воздух выброшенная взрывами земля – греческая артиллерия начала артподготовку. Бьют калибры от семидесяти пяти и выше, стволов сто. Серьезно, но разрывы все равно не сливаются в одну сплошную стену – слишком широк фронт наступления, не хватает плотности для сплошного огневого вала. Но и то, что есть – очень неплохо. А еще танки. Надо надеяться, здешние фашисты не крепче павлинов из «Чер-

ного пламени» или «Черных перьев», должны побежать – не марокканцы, те могли кинуться на танк врукопашную.

Если греческая разведка не ошибается, в Корче попали в окружение тысяч пятнадцать–двадцать фашистов: пехотная дивизия и всякая мелочь вдобавок – фашистская милиция, тыловики, албанские добровольцы. Греки подтянули к городу четыре дивизии и несколько дивизионов артиллерии. Каюк фашистам.

Танки пересекают линию греческих окопов и сбрасывают скорость до пяти километров в час, чтобы не загнать пехоту по пути к вражеским позициям. Греческие пушки умолкают, подают голос итальянские, но совсем несерьезно – бьют редко, с большим разбросом, не больше десяти батарей – этого слишком мало, чтобы сорвать атаку. Когда до позиций противника остается чуть меньше километра, открывают огонь итальянские стрелки и пулеметчики. Со страху – на такой дистанции попасть в бегущего пехотинца можно только случайно, но фашисты лупят издали, в белый свет, за что им отдельное спасибо.

– Короткая! – орет наводчик, примерно поймавший в прицел очередное пулеметное гнездо. Механик, выжав педаль главного фрикциона, жмет на тормоз и рывком вытягивает на себя оба рычага. Танк замирает на месте; наводчик, выждав, когда машина перестанет раскачиваться, уточняет наводку и давит на педаль спуска. Звонко бахнет орудие, снаряд улетает к цели, а механик-водитель, не дожидаясь результата, сразу после выстрела бросает машину вперед – догоняет ушедшую вперед линию.

Очередной итальянский снаряд взрывается среди машин роты, осколки гремят по броне, один из Т-26 третьего взвода резко разворачивается и замирает.

Раньше, чем ротный и взводный успевают отреагировать, командир танка докладывает главное, в наушниках сквозь треск помех слышится:

– Все целы, гусенице ...ц!

Поврежденный танк доворачивает башню и продолжает стрелять.

Метров с двухсот танки начинают стрелять из пулеметов по брустверам, заставляя солдат врага прятать головы, мешая целиться и метать гранаты. Со скрежетом складывается под гусеницами проволочное ограждение. У части врагов нервы сдают, в прицелах появляются спины убегающих фашистов. От пули не убежать, будь ты хоть дважды чемпион берлинской олимпиады – пулеметные очереди укладывают трупов на стылую землю кучками неопрятной ткани.

Отслеживая пулеметные точки и позиции минометов, Михаил перестал контролировать греков – идут за танками или нет, и перед самыми позициями противника вдруг спохватился – если их отсеки, сейчас начнется рукопашная танков с пехотой, в которой сила вовсе не на стороне боевых машин.

Зря беспокоился, одетые в смешные шинели и странные ботинки греки, сжимая винтовки с примкнутыми штыками, бегом обогнали танки и бросились на врага.

Один из механиков второго взвода увидел готовый к стрельбе во фланг атакующей пехоте пулемет, резко бросил танк в сторону, но ошибся, пустив расчет станкача под левую гусеницу. Правая до середины траков зависла над краем траншеи, грунт поплыл и «двадцать шестой» медленно завалился на бок – своими силами ему уже не выбраться.

Вторая линия окопов пустеет раньше, чем наступающие приближаются на дальность эффективного поражения – в умении соображать наследникам славы легионов Цезаря не откажешь. То, что без винтовок и пулеметов драпать намного легче, смекнуло большинство убегающих. Таюю бесполезную тяжесть, как миномет, тем более никто с собой тащить не стал.

Сложенные из дикого камня дома и сараи уже рядом, в прицел можно рассмотреть швы в кладке стен. В тот момент, когда атакующие цепи пехоты следом за танками подходят ко второй линии итальянских окопов, начинается интенсивный артобстрел – он много плотнее того, что был раньше. Больше похоже на артподготовку греков.

Похоже? Черта с два, это она и есть! Не ожидавшие такого темпа наступления командиры не перенесли время артналета, и наследники Ареса ударили по собственным войскам.

Пехота прыгает в воронки и брошенные хозяевами окопы, а танки по команде уходят из-под огня рывком вперед. Удар, звон, изрядная вмятина в нише башни, – в танк Фунтикова угодил крупный осколок. Чтобы записать доклад командира роты комбата, писарю пришлось заменить большую часть слов синонимами. В воздух взлетает сразу несколько красных ракет, и через несколько десятков бесконечных секунд обстрел прекращается. Между лежащими на земле телами мечутся санитары – чья-то оплошность убила больше бойцов, чем вражеский огонь. Фунтиков не повел роту в город без сопровождения – танки задним ходом отошли за линию окопов. Итальянцы получили долгожданную передышку.

Лейтенант Клитин за развертыванием в боевой порядок наблюдает, до пояса высунувшись из башенного люка. Первый бой в жизни – ему страшно. Вот только что страшнее – вести шеренгу легких танков навстречу огню неизвестно где расположенных и поэтому еще более опасных пушек, или показать страх подчиненным? Конечно, второе, вот и стоит лейтенант в люке, до боли в пальцах сжимает броневую крышку – демонстрирует храбрость. Еще и танки взвода управления батальона выстроились на левом фланге – майор Барышев решил лично присмотреть за третьей ротой. Решение комбата – единственно верное, в отличие от ротного-три, Фунтиков и Котовский бойцы опытные. Клитин его понимает, но легче от этого не становится.

Лейтенанту кажется: он кожей чувствует направленные на него стволы винтовок и пулеметов, до щекотки по позвоночнику ощущает, как сводят на его танке прицельные марки итальянские артиллеристы, но только сильнее выпрямляет спину. Мышцы лица свело, поэтому команды лейтенанта короче и отрывистей, чем обычно.

В сотне метров за танками выстраиваются три самоходки, за каждой в затылок – транспортер со снарядами. По плану самоходки повзводно поддерживают вторую и третью роты, Фунтиков должен обойтись трехдюймовками средних танков. Козлоногов, раздолбай и бездельник, машет Клитину рукой и опускается на место. Лейтенант представляет, каково самоходчикам в их открытых сверху рубках, ему становится стыдно своей трусости.

Из-за переживаний Клитин долю секунды не понимает, что означают взлетевшие вдоль фронта сигнальные ракеты, потом для верности прижимает ларингофоны пальцами к горлу и хриплым, чужим голосом каркает:

– Я третий-раз, вперед!

Привычно отмечает отставшие машины, резкими командами наводит порядок и поворачивается к врагу. Танк качнулся на яме, и потерявший равновесие Клитин больно ударился локтем о зенитный пулемет. Выругался – и вдруг понял, что стало легче – рота идет красиво, механики выдерживают уставные интервалы, ровно ползет под гусеницы земля.

– Третий-раз, я Большой, уйди под броню, всех врагов распугаешь!

Комбат смотрит.

– Есть уйти под броню!

Щелкает фиксатор люка, обзор съезживается до поля прицельной панорамы, и Клитин, чтобы видеть больше, постоянно поворачивает башню влево-вправо.

Задача третьей роты – совместно с пехотой прорвать оборону итальянцев на правом фланге наступающих частей, отрезать окруженный город от западного горного массива, перерезать последние тропы, по которым прибывают в Корчу подкрепления, – и возможные пути отхода тоже. А еще где-то там находятся огневые позиции стопятимиллиметровых пушек, которые нужно найти и «привести к молчанию». Т-26, как его ни экранируй, попадания снаряда такого калибра не выдержит. Лопнет под напором летящей стали броня, детонирует бое-

комплект, вспыхнет вылившийся из баков бензин. Шансов выжить у экипажа не будет. Значит, нужно заметить врага первым и уничтожить до того, как он успеет навести орудия.

Лейтенант следит за точностью огня греческой артиллерии, азартно расстреливает пулеметы врага, орет команды – в горячке схватки страх потерялся, стал неразличим. Клитин увлекается, только после окрика комбата останавливает охоту за разбегающимися фашистами. Пока наводит порядок, греки накрывают артогнем вторую линию обороны, и снова – осколочными по вспышкам над бруствером, из «дегтяря» – по пехоте и на максимально возможной скорости – вперед, между редкими разрывами фугасных снарядов.

Как назло, дальше идти приходится по предгорьям, мало того, что все время вверх и вниз, эти холмы еще беспорядочно застроены всякими сараями, утыканы деревьями и кустами. Любое укрытие таит угрозу. Поди угадай – палка торчит из-за забора или ствол противотанковой скорострелки?

Впустую, каждый раз – впустую. Клитин ловит себя на мысли, что уже с нетерпением ждет – когда же наконец навстречу его танкам полетят снаряды. Не находя выхода, напряжение накапливается, туманит зрение и грозит вдребезги разнести остатки человеческого сознания.

Открывающаяся за очередным гребнем картина как ответ на невысказанную мольбу – набитая мулами и солдатами в итальянской форме ложбина.

– А-а-а! – вместо команды ревет Клитин и бьет длинной, на половину диска, очередь, выплескивает из пулеметного ствола вперемешку со свинцом страх, злобу и бешенство. Слева и справа эхом отзываются пулеметы остальных танков. Механик, осатаневший от того же ожидания, без команды бросает танк вперед, разгоняет машину под уклон, лихорадочно переключает передачи. И лейтенант всем телом подается вперед, помогая механику разгонять одиннадцать с хвостиком тонн лязгающей стали. Когда машина врывается в сгрудившихся в узком проходе врагов, Клитин рычит от счастья.

Далеко не сразу лейтенант понимает, что шум в ушах это сильно искаженный голос командира батальона, и разбирает только окончание фразы:

– ...ать, прекратить немедленно!

С глаз медленно сползает кровавая пелена, возбуждение сменяется приступом вялости и апатии. Показать слабость стыдно, так же стыдно, как показать страх, и Клитин берет себя в руки, восстанавливает порядок в роте – оказалось, в уничтожении отряда фашистов участвовал только второй взвод и машины ротного и политрука. С десятиминутной задержкой танки третьей роты снова идут вперед.

Огневые позиции дивизиона итальянских пушек танкисты обнаруживают издалека, орудия стоят посреди поля, в неглубоких окопчиках. Вопреки ожиданиям Клитина, боя нет – прислуга бросила батареи, как только услышала рев моторов и лязг гусениц. Только мелькнул на подъеме силуэт уходящей на большой скорости легковушки. Вслед ей ударило несколько выстрелов, но стрельбу останавливает Барышев. Комбат вкладывает в крик всю силу командирской страсти:

– Не стрелять по моей новой машине!

И до самого непонятливого сержанта доходит – автомобиль удирает в Корчу, а они только что отрезали последние тропы, по которым из города можно было сбежать.

– Кто трофеи зря гробить будет – набыю рожу перед строем! – на всякий случай обещает майор.

– Третий-раз, я Большой. Первому взводу занять позиции от развалин большого сарая до поворота дороги, сам со вторым стань здесь, третий верни на километр назад, там удобный холм есть. Занять оборону, осмотреть технику, доложить о потерях и повреждениях.

Лейтенант дублирует приказ, хоть вся рота его и так слышала. В армии есть порядок, который не должен быть нарушен. Открыл люк, вылез до пояса и удивился – оказывается, в башне нечем было дышать от пороховых газов, видно, заряжающий забыл включить вен-

тилятор. Клитин вытер со лба пот, сдвинул шлем на затылок и осмотрелся. Не так уж это и страшно – воевать. Итальянцев положили множество, а потери – пара застрявших в окопах танков. Ничего, несколько тренировок пешим по-танковому, и самый тупой олух поймет, что окопы преодолевают не вдоль, а поперек. Греки суется вокруг пушек, осматривают позиции, самые ушлые разворачивают несколько орудий стволами в сторону Корчи. На гулкую, заторможенную, тягучую очередь с той стороны, куда ушли танки первого взвода сначала никто не обращает внимания. Непонятный ленивый пулемет вроде как думает после каждого выстрела, четко проговаривая:

– Ду-ду-ду-ду.

Потом крик в наушниках, и взрыв. Над гребнем холма, закрывшего машины первого взвода, поднимается красно-черный гриб бензинового взрыва.

– Справа, сука, справа на горе! Осколочным ему в...би! – И снова гулкие очереди автоматических зениток.

Звонкие выстрелы танковых пушек, хлопки разрывов, очереди спаренных пулеметов и снова:

– Ду-ду-ду-ду...

Младший лейтенант Беридзе наконец вспоминает о необходимости доложить:

– Трэти-раз, взвод под обстрелом, противник стреляет сверху тяжелыми пулеметами, лоб не берет, поломал гусеницы, достать не могу – пушки не поднимаются. Один танк потерял. Помощь надо.

Пока Клитин разворачивает машины второго взвода и ищет пути для выхода во фланг зенитной батарее, Козлоногов отводит свои самоходки дальше от гор, в воздухе шелестят снаряды его гаубиц. Стреляя прямой наводкой, на минимальной дистанции, самоходчики после третьего выстрела бьют на поражение. Выпускают двенадцать снарядов, замолкают, к «сушкам» подтягиваются транспортеры.

– Ай, молодец, хорошо дал! Разбегаются! – Арчил совсем забыл правила радиообмена, но на это никто не обратил внимания.

Незамеченная вовремя батарея из четырех автоматических зениток жалкого калибра в двадцать миллиметров уничтожила один танк и на несколько дней вывела из строя еще четыре. При том, что стрелять вниз по склону могли только две зенитки из четырех. Клитин с каменным лицом осматривает остатки боевой машины, разбитые гусеницы и подвески поврежденных танков.

– Расслабились, долбодятлы! Я вам такое расслабление покажу – само слово забудете!

Лейтенант сплевывает, прячет руки в карманы – к нему вернулся страх, нелогичный и запоздалый. Окажись эта батарея на километр южнее, разлететься кучей горелых обломков мог его танк. В бою Клитин ни разу не посмотрел вверх. Мерзкая горечь во рту не дает сосредоточиться и подумать. Не страшно – все заранее придумали люди поумнее лейтенанта Клитина. Боевой устав не дураками писан, вечером нужно перечитать.

Как обычно, перед боем Алексея слегка потряхивает. Говорят, если покурить, становится легче, но Котовские не курят. Поэтому Леха просто наматывает на указательный палец гвоздсотку, потом разматывает – пока не ломается уставшее железо. Тогда старлей достает из кармана следующий гвоздь – он человек запасливый и предусмотрительный. Главное, дожидаться команды «По машинам», потом трястись некогда – надо драться. Ну, наконец-то – Котовский рывкает на стоящих вокруг подчиненных и бросается к командирскому танку. Фигурки в мешковатых комбезах дружно бегут следом. Не все, некоторые задерживаются – подбирают с земли крученые обломки гвоздей, на память.

Алексей за время плавания замордовал своих орлов до потери речи – вбивал признаки, по которым можно засечь минное поле, дот, замаскированную пушку и такую дрянь, как кон-

трэскарп, который и заметить-то можно, только когда головной танк кувыркнется с искусственного обрыва. Не понадобилось – после артподготовки, довольно серьезной даже по меркам Финской, танки и пехота спокойно, не торопясь, размазывают противника по окопам первой линии обороны.

Итальянцы охотно поднимают руки, но озверевшие союзники пленных не берут: «Афины!» – и штык в брюхо, с проворотом. Звери! Зато, в отличие от горячих финских парней, не мучают.

Пока пехота отводит душу, артиллерия накрывает вторую линию окопов. Там защитников почти нет, кто был, драпанул сразу после артподготовки, поэтому до городских окраин левый фланг наступающей дивизии добирается почти без помех.

Городишко не впечатляет – домики в один, самое большее в два этажа, на крышах – черепица, иногда – серые каменные плитки. Не очень узкие, но кривые улицы. Много кустов, деревья. Не город – мечта танкиста. Особенно там, где вдоль самой дороги тянутся сложенные из обломков камня заборы. Котовский разглядывает город сквозь мутные линзы панорамного прицела, когда оживает радиостанция, и сквозь треск разрядов доносится голос комбата:

- ...ой, второму-два, в город не лезь, как понял меня? Отставить город, как понял, прием!
- Понял – в город не лезть, я второй-два, прием.

Котовский отводит роту назад, за вторую линию окопов, ставит танки за бруствером, сами окопы обживают греки – оборудуют пулеметные гнезда, шарят в поисках полезных вещей.

Алексей закончил тиранить старшину, которого вдохновлял на поиски кухни и машины с боепитанием, посмотрел, как экипажи дружно взялись за банники.

– Ничего так повоевали сегодня. Хлипковат противник в коленках, финны куда злее дрались, а, Василий?

Младший политрук Сонькин вместо ответа дергает командира за рукав и вполголоса сообщает:

- Алексей, кажись, по наши души топают!

Вдоль линии окопов двигается группа греческих офицеров, пытается расспрашивать людей в шлемофонах. Котовский выходит из-за танка и поднимает руку, привлекая к себе внимание.

Блестящие сапоги, кожа портупей, добротное сукно шинелей, серебряные и золотые звезды на погонах. Белая кость, голубая кровь, они даже внешне отличаются от похожих на обугленные головешки солдат подчеркнута европейской внешностью. Большинство солдатских лиц украшают густые усы, лица офицеров выбриты полностью.

Старший на ходу бросает адъютанту:

– Надеюсь, хоть кто-то из них понимает английский или французский, – небрежно подносит руку к околышу фуражки и обращается к советским офицерам:

- I am Lieutenant Colonel...

Алексей не дает ему закончить:

– Простите, полковник, но я не говорю по-английски. Давайте по-гречески? – и, не ожидая, пока подполковник справится с удивлением, представляется: – Старший лейтенант Котовский, командир второй танковой роты.

Чужие языки Алексей всегда учил легко – талант, наверно, достался от неизвестных родителей, но с английским незнаком. За годы беспризорного детства Лешка без особых усилий выучился болтать с татарами и с молдаванами, не терялся среди кормившихся морем крымских греков. В детдоме был любимым учеником пожилой Ольги Генриховны, с легкостью выдавал зубодробительные фразы на языке Гёте и Шиллера. Когда учительница предложила позаниматься с одаренным мальчиком французским, оказалось, что Леша его не то чтобы учит, а, видимо, вспоминает. Только на всех языках, кроме французского, мальчик говорил с ужас-

ным акцентом. «Абсолютно немзыкальный слух!» – вынужден был признать учитель пения и изгнал из хора оглушительно оравшего Алексея, ничуть не расстроенного этим обстоятельством – Лехин кумир в опере не пел. Спортплощадка манила Котовского сильнее гармонии молодых голосов.

Вопреки ожиданиям, подполковник Димитриадис оказывается приятным собеседником, выражает танкистам благодарность за хорошую работу, отмечает невысокий уровень потерь в своем полку.

– Завтра нам придется штурмовать жилые кварталы, и я хотел бы согласовать наши действия.

Действительно, белая кость. Говорит, как пишет. Согласовать – дело нужное. Грек выслушал предложенную Котовским схему действий, немного подумал и согласился:

– Понимаете, мы хорошие солдаты, но – солдаты небогатой страны, и опыта применения танков у нас нет. Думаю, знания опытного танкиста стоит использовать, – подполковник улыбнулся. – Был рад познакомиться, надеюсь продолжить беседу завтра, а сейчас извините – дела. Ваш солдат уже минуту машет вам из-за танка. – Грек протягивает Алексею руку.

– До завтра, полковник. Простите, но еще один вопрос.

– Да?

– Почему ваши люди не берут пленных? Если итальянцы поймут, что смерть неизбежна, они будут драться, как загнанные в угол крысы. Может быть, пусть лучше быстро сдаются?

Димитриадис вздыхает и задумывается, подбирая слова.

– Видите ли, в моем полку у большинства солдат родственники в Афинах. Как раз в тех районах, которые были разрушены при обстреле с итальянской эскадры. Там погибло очень много людей: женщин, стариков и детей. Люди злы и хотят мстить. Со временем нам удастся это остановить, но боль еще слишком сильна.

Полковник снял фуражку, удивился, увидев ее в руке, и снова надел.

– До свидания, господин старший лейтенант.

Дайте солдату точку опоры, и он уснет – эта народная мудрость верна для любой армии во все времена. Исключения бывают. Если у солдата появилась возможность пожрать, добыть выпивку или влезть в какие-нибудь неприятности с местными жителями, он может и потерпеть. В остальных случаях не занятый делом воин засыпает мгновенно – лежа, сидя, стоя и даже на ходу. Разница между опытным бойцом и зеленым салагой только в подходе к процессу. Молодой теряет сознание сразу. Послуживший, понюхавший пороха боец знает – лучше потратить время, но устроиться с максимальным комфортом.

Среди танкистов новичков нет. Итальянцы оборудованием блиндажей не озаботились. Не успели или решили, что в городе ночевать удобнее – поди пойми их, нерусских. Ничего, советского бойца устроит и кусок хода сообщения, перекрытый всем, что попало под руку. Ерунда, что в спальне две стены из плащ-палаток, зато тепло. Буржуйку старшина притащил, он же и топит – экипажам завтра с утра в бой, пусть поспят. Жаль, у костра не посидеть – на огонек скорее залетит минометная мина, чем добрый человек завернет. Добрые люди заходили и без огонька – улыбались белозубо из-под густых усов, хлопали по плечам, угощали сигаретами. Поговорить не получилось – так, руками помахали, как глухонемые, но взаимную симпатию выразили.

Теперь сопят и белобрысые, и черноволосые, бдят только часовые да наблюдатели, в неживом свете осветительных ракет всматриваются в лежащее перед ними поле, пытаются заметить врага раньше, чем он подберется на расстояние гранатного броска. Смотрят старательно – перед позициями нет ни минного поля, ни даже жидкого заграждения из смотанной спиралью колючей проволоки.

Еще не спят командиры – по самым разным поводам. К старшему лейтенанту Фунтикову повод приполз сам, незванный, негаданный. Сидит, протянув к печке длинные ноги в ботинках с дырчатыми подметками, в грязных пальцах прирожденного музыканта сжимает жестяную кружку с горячим чаем. И сам факт его наличия говорит о том, что умелый и ловкий храбрец может пробраться мимо часовых и секретов, выбрать нужный момент и хриплым шепотом окликнуть бойца в знакомой форме:

– Товарищ!

Есть все-таки и среди итальянцев смелые люди. Не просто смелые – Уго Бонатти пополз через нейтралку, хоть знал, что первый встреченный греческий солдат, скорее всего, прикончит его, как только увидит. Умения Уго тоже не занимать – повоевал в Испании, пытался остановить врага на чужой земле, раз дома не получилось. В интербригадах итальянцев было много – не всех антифашистов перестреляли в двадцатых сбившиеся в стаи мальчишки в черных рубашках. После поражения республиканцев Бонатти кружным путем, через Алжир и Ливию вернулся в родную Парму. Как оказалось, только для того, чтобы через два месяца угодить в армию ненавистного Муссолини. Завоевывать для фашистов Грецию Уго не желает, умирать на штыках ее защитников – тоже. В их батальоне, потерявшем во вчерашнем бою больше половины офицеров, таких большинство. Они с радостью сдадутся, но разъяренные греки в плен не берут. Выход Бонатти увидел, когда заметил перед атакующими цепями сынов Эллады характерные башни танков советского производства. Знающий пару десятков русских слов итальянец вызвался пробраться к танкистам – там наверняка есть русские, они должны понять – в грязной игре политиков солдаты не виноваты.

Делегат глотает обжигающий чай, смотрит на Фунтикова и понимает – есть Бог на свете, ведь Уго добрался сюда живым. Нашел советского командира, и этот офицер, хвала Мадонне, говорит по-испански – тоже воевал с франкистами. Он поможет.

Фунтиков смотрит на итальянца и понимает – спать сегодня ночью не придется.

Пришлось вести перебежчика в штаб батальона, затем в штаб греческой дивизии. Спустился два часа Михаил вместе с греческим пехотным капитаном проводил итальянца за линию секретов, выждал немного, чтобы убедиться, что на той стороне обошлось без стрельбы. Если утром защитники нескольких кварталов разом сложат оружие, нападающие смогут без боя ворваться практически в центр города.

Фунтиков прощается с греком и направляется к своим танкам – возможно, получится прикорнуть часок-другой.

Ноябрьская долгая ночь. Темная и густая, как турецкий кофе. Она тянется, будто нудный рассказ выжившего из ума старика. Того самого, что изводит потомков воспоминаниями о чудесной юности, многозначительно поглядывая на секретер, в котором хранится его завещание.

Греки ежатся в секретах, силятся разглядеть в ее непроглядности дома осажденного города и ждут рассвета, который позволит добраться до вражеских глоток. Итальянцы понимают – утром будет атака, отбить которую, скорее всего, не получится. Им хочется растянуть ночь, как резину, – вдвое, втрое против обычного, может быть, тогда исчезнут в темноте проклятые русские танки, ударят из-за гор подоспевшие на выручку дивизии... Знают, что выручать некому, проклинают «гениальность» своих генералов: из-за их безграмотности защитников Греции на второй неделе войны оказалось втрое больше, чем агрессоров, но надежда остается всегда – даже падая в пропасть, стоит верить, что край твоего плаща зацепится за камень.

Любая ночь рано или поздно заканчивается. Медленно и неуверенно светлеет небо на востоке, проступают из сумрака окрестности. Провожая темноту, бойцы скребут ложками по котелкам и мискам, умываются и разбегаются по местам. К утру греческая артиллерия сме-

нила позиции – сегодня артподготовки не будет, греки собираются захватить город, а не разрушить его. Бить будут по разведанным целям, поддерживая продвижение пехоты. Столкновение неизбежно, напряжение с обеих сторон фронта нарастает и прорывается визгом стартеров, затем рокотом танковых двигателей. Долгих десять минут итальянцы вслушиваются в голодное ворчание бронированных монстров, с надеждой поглядывают на расчеты противотанковых ружей и, увы, – немногочисленные противотанковые орудия. Хватит ли их, чтобы справиться с десятками танков, которые внезапно появились у врага? Еще осталось со вчерашнего дня удивление, размешанное с детской обидой – почему? Почему навстречу танкам противника не выходит вдвое, втрое сильнейшая волна итальянских машин? Где фашистские танковые дивизии, что так красиво смотрелись на парадах? Дивизии, которые втоптали в пыль дикие орды абиссинцев, которые стремительными ударами вспороли оборону испанских республиканцев?

Времени для размышлений оказалось немного – моторы взревели, и на жидкую линию обороны потрепанной сорок девятой пехотной дивизии двинулись танки, за которыми дружно поднялись цепи греков с винтовками наперевес. Застучали пулеметы и винтовки итальянцев, прижимают пехоту к земле, пытаются отсечь ее от брони. Завыли в воздухе минометные мины. Открыла огонь греческая артиллерия, снаряды ударили по позициям минометов, заставили остановить огонь, сменить место. По танкам бьют двадцатимиллиметровые «солотурны». Попадание, еще одно – танк, в который угодили бронебойные пули, даже не думает останавливаться, повернул башню, ударил из пушки, нащупывая позицию ПТР. А если в гусеницу? Совсем другое дело, Т-26 повернулся, подставил под обстрел борт, но и боковая броня выдержала несколько попаданий. Тем временем позиции немногочисленных «солотурнов» засыпают снарядами соседние танки. Уцелевшие расчеты волокут свое громоздкое оружие в глубь обороны.

По флангам наступающих открывают огонь шесть уцелевших противотанковых пушек. Сразу три Т-26 останавливаются, из люков вываливаются экипажи, бросаются на землю, спасаясь от ружейно-пулеметного огня. Радость защитников не слишком продолжительна – по позициям ПТО прямой наводкой отрабатывают самоходки. Гаубичные снаряды буквально вырывают землю из-под итальянских артиллеристов. Танки ускоряются, чтобы гусеницами растереть в прах пушки и их расчеты.

Броню трехбашенных монстров не берут даже снаряды сорокасемимиллиметровых «белеров». Одному из танков удастся сбить гусеницу, но ответный огонь в щебень растирает каменный забор, за которым стоят орудия. Расчеты погибают под осколками и пулеметными очередями.

Положение обороняющихся все хуже. Еще пять, максимум десять минут – и бой закипит в домах и на улицах. В этот момент в центре оборонительных позиций из окон домов вместо пулеметных очередей и гранат вылетают белые тряпки. Танки расходятся в стороны, огибают обозначенные белым кварталы, обходят дома, из которых не раздастся ни одного выстрела. Сбрасывают небольшой – два десятка человек в черной форме – десант, и на высокой скорости устремляются к центру города, выпустив на прощание из выхлопных труб облака вонючего дыма. Сизая гарь медленно тает в холодном воздухе, взводы греческой пехоты без остановки проскакивают кварталы, над которыми на ручках вил, метел и лопат болтаются простыни, скатерти, полотенца и нижнее белье. Фигурки в черном торопят, размахивают руками, и пехота бежит следом за ревом моторов. В домах, двери которых загораживают русские добровольцы, ждут завершения боя несколько сотен простых итальянских парней – они нашли способ уползти из армии говорливого дуче.

В ведущем бой танке не до красот литературного языка – экипаж не говорит, он переливается короткими фразами, минимум слов, максимальное количество информации. В армии этот сленг вежливо именуется «командирским», но запись этих команд и докладов не стоит

показывать в издательствах. Танкистам плевать на редакторов и корректоров, о существовании которых они в большинстве своем не имеют ни малейшего понятия.

Танк Фунтикова вылетает на очередной перекресток. Итальянский огнемечик ошибается, огненная струя бьет в борт. Огнесмесь бесполезно растекается по закрывающему подвеску бортовому экрану, выжигает краску. Вторая может ударить в моторное отделение, найти щели, просочиться под броню, зажечь моторы...

– Правый! – ревет командир.

Одновременно с его воплем Алесь Куневич, пулеметчик правой башни, всаживает в огнеметный расчет очередь на половину диска. Баллон со смесью взрывается, и на грязной улочке албанского городка вспыхивает жаркий костер. Второй номер страшно кричит, какое-то время катается по земле, пытается сбить пламя. Куневич добивает его короткой, экономной очередью в три патрона. Несколько гранат вылетают из-за заборов, но не причиняют танкам никакого вреда. Т-28 разваливают каменную кладку заборов, пулеметчики бьют очередями в разные стороны. Итальянцы привычно разбегаются. Михаил несколькими командами назначает командирам машин места, и через минуту танки занимают позиции, направляют во все стороны стволы пушек.

Ротный на всякий случай еще раз проверяет схему – характерный изгиб улиц, площадь в квартале к востоку, минареты мечети – все верно. Его танки перекрыли коммуникации центральной части города, теперь итальянское командование не сможет перебрасывать подкрепления с одного участка обороны на другой по кратчайшему расстоянию – только в обход. Фунтиков дождался докладов командиров взводов, занявших два соседних перекрестка. Греки, не сильно отстав от танков, занимают оборону в ближайших домах. Расчет из трех бойцов сноровисто поднимает на чердак двухэтажного особнячка допотопный «гочкис» на неуклюжей треноге. В обороне – могучий агрегат, непонятно только, как пулеметчики умудрились притащить его сюда, не отстав от легконогих пехотинцев.

– Большой, я первый-раз, держу центр, как понял, прием!

– Я Большой, понял тебя, держи центр, второй на подходе, прием.

Потерять три танка на ровном месте из-за того, что не заметил поставленные ночью на прямую наводку пушки! ...дак ты, а не командир роты! Алексей всаживает осколочный в окно, из которого пытался стрелять очередной пулеметчик, и усилием воли изгоняет из головы мысли о бездарно организованной атаке. Потом, после боя, придет время для разбора, а сейчас нужно грамотно довести роту до победы, нет времени на самоедство. Танки парами и тройками ломаются между домов – не спеша, чтобы не оторваться от идущей следом пехоты.

Парни Димитриадиса работают с танками неплохо, для первого раза просто отлично. Не зря потрачено время на разговоры с греческими командирами. За каждым танком идет закрепленное отделение, укрывается за броней от пулеметных очередей. Танки ломают заборы, расстреливают пулеметные точки и позиции стрелков. Пехота зачищает дома, особо смотрит, чтобы не выскочил на расстояние броска горячий итальянский парень со связкой гранат или бутылкой бензина. Греки выискивают и отстреливают расчеты противотанковых ружей. Жаль, связи с ними нет – в бою некогда следить за пехотой. Танки с расчетами ПТР расправляются эффективнее вооруженных винтовками пехотинцев, зато видят экипажи намного меньше. О радиосвязи с пехотой можно только мечтать – после боя. Сейчас нет времени, танкисты работают.

– Короткая!

Летит к цели очередной снаряд, всаживает в окно очередь ДТ, и танк снова идет вперед. Улица за улицей уходят за корму, все слабее отбиваются итальянцы, предпочитают убегать, сделав один-два выстрела. Командир третьего взвода доложил о захваченной без сопротивления минометной батарее, танки первого, с которым наступает машина командира роты, про-

шли через заставленный брошенными грузовиками пустырь. Где-то в городе есть еще артиллерия, десятка два трехдюймовок или около того, но она давно не подает голоса. Пушки вполне могут стоять где-то в засаде, чтобы в упор ударить по подходящим танкам. Нет, хватит на сегодня потерь.

Алексей высовывается из люка, подзывает греческого лейтенанта, и пехота выходит вперед, выглядывают из-за укрытий, жестами показывают танкистам, что можно двигаться дальше.

Заминка выходит у старого здания, похожего на помесь сарая и средневекового замка – из узких окошек молотят несколько пулеметов, не подпускают пехоту. Толстые каменные стены не пробиваются пушками двадцать шестых, снаряды лишь выбивают куски камня. Такими темпами для разрушения превращенного в крепость склада понадобится несколько часов времени и пара боекомплектов. Стоит он неудобно – на возвышенности, перекрывает сразу несколько улиц. Именно для таких случаев идут за ротой самоходки Козлоногова.

Несерьезные с виду машинки выходят в промежутки между танками, наводят на цель кургузые стволы своих гаубиц. Залп – и склад рушится в клубях дыма, складывается внутрь крыша, разлетаются по сторонам куски черепицы. От здания остается дальняя стена, уродливо возвышающаяся над грудой перемешанных камней и бревен. Радостно орут греки, потрясают винтовками – им нравится такая война.

– Молодчик, Козел, с меня выпивка! – нарушает правила радиообмена Котовский.

Танки на всякий случай обнюхивают пространство тонкими стволами пушек и идут дальше, практически не встречая сопротивления.

– Сам козел! – обижается им вслед командир батареи.

Лучший способ согреться – хорошо поработать. Какая работа греет сильнее, чем рытье земли? Только работа банщика. Кто копал горный грунт пополам со щебнем, когда все время приходится выковыривать лопатой каменные обломки, знает. А вырыть втроем окоп для танка? За ночь? Ничего, справились. Экипажи сбили ладони рукоятями лопат и киркомотыг, но укрыли машины по самую башню.

Технику третьего взвода утащили в тыл, восстанавливать ходовую, но оставшиеся двенадцать танков на три километра фронта – очень неплохая цифра. Греки под вечер пригнали конные упряжки, вывезли трофейную артиллерию. Пехота окопалась перед позициями танкистов, чуть ниже по склону, но землю рыли без фанатизма, окопчики получились неглубокие, а траншеи между ними и вовсе курице по колено. Не собираются оборону держать, рвутся в наступление. Как раз с этой стороны атаки не будет, город будут брать ударами с севера и с юга.

Клитин очередной раз проходит вдоль позиций роты, заставляет два экипажа исправить форму брустверов, проверяет несение службы часовыми. Порядок требует постоянного контроля со стороны командира, не уследишь, и грязный подворотничок обернется необслуженным танком, потерей боеспособности. На выдвленное в спину, шепотом и сквозь зубы: «Каганович, ...!»⁴ можно не обращать внимания, это эмоции, они для службы значения не имеют. Сочтет командир нужным – и вправду метро рыть станут. Лейтенант Клитин спуску не даст ни себе, ни подчиненным.

Утром, перед завтраком, танкистов посетили греческие офицеры, но разговора не получилось – никто из визитеров не знал русского языка, а мучиться, листать разговорник лейтенант не считал нужным. Пообщались жестами, Клитин схему обороны показал. Покивали друг другу и разошлись. О чем говорить советскому командиру с отродьем помещиков и капиталистов? У них на погонах следы от корон еще не выцвели.

⁴ Лазарь Моисеевич Каганович – революционер, партийный и государственный деятель. В числе прочего один из инициаторов и руководитель строительства московского метрополитена.

Когда вокруг притаившейся Корчи взлетели в небо сигнальные ракеты, Клитин вдруг ощутил досаду от того, что ему не нужно бросать вперед свои танки. Кажется, в ноздрях до сих пор стоит мерзкий запах горелой человечины, обгоревшие обломки Т-26 стоят рядом, но до ломоты в ладонях захотелось сжать рукоятки наводки, поймать в прицел врага, толчком педали послать в него снаряд или всадить пулеметную очередь. Не важно, что в ответ может прилететь отлитая в сталь стремительная смерть, важнее видеть, как падают в грязь тела убитых тобой противников.

Лейтенант опускает бинокль на крышу башни, машинально вытирает ладони о комбинезон и без особой необходимости выходит в эфир:

– Я третий-раз, внимательно смотреть!

Невидимый с позиций третьей роты бой разгорается, к трескотне винтовочного огня добавились пулеметные очереди. В ответ ударила артиллерия, и вскоре отдельные выстрелы и разрывы сливаются в сплошном реве канонады. Клитину хочется послушать переговоры ведущих бой танков, но на такое нарушение он пойти не может, ждет доклада подчиненных или вызов командира батальона, не меняет настройки радиостанции. Лейтенанту остается до рези в глазах вглядываться в лежащее перед ним пространство, переводить бинокль с дома на дом, с кустов на группы деревьев.

Бой смещается к центру Корчи, парни сейчас протискиваются по узким улочкам, ломают дома, прокладывают путь пехоте. Клитин должен ждать – самое невыносимое из состояний. И тут, наконец, оживает радиостанция:

– Ориентир четыре, двести метров вправо, ближе сто, наблюдаю скопление пехоты!

Вот, начинается! Лейтенант ловит в поле зрения бинокля черепичную крышу крестьянского дома, берет чуть правее и ближе. Среди метелок высокой рыжей травы перебегают согнувшиеся фигурки с оружием в руках. Ротный укладывает бинокль в чехол, опускается на свое место – только защелка люка клацнула.

– Я третий-раз, приготовиться к отражению атаки! Моторы не заводить, без команды огня не открывать!

И заряжающему:

– Осколочный!

Влажно чавкает затвор пушки, принимает в вычищенное до блеска нутро орудия первый на сегодня снаряд.

Командирская панорама – неважная замена биноклю, изображение хуже, зато поле зрения шире. Клитин вспоминает, что не предупредил греков, но те и сами видят противника, стрелки разбежались по окопам, клацают затворами. Пулеметный расчет продернул ленту в свой антикварный французский самовар – ничего, в обороне эти монстры работают не хуже современных систем. Сноровистые, черти, приятно посмотреть, пулеметчики обучены превосходно. Лейтенант поворачивает маховик горизонтальной наводки, загоняет в поле прицела ближайшую группу итальянцев, но близкий снарядный разрыв закрывает обзор клубами дыма и пыли. Укрытые за строениями и посадками пушки врага где-то близко, и их много – одновременно встают десятки разрывов.

– Драпать решили, уроды! – злорадствует лейтенант.

Чтобы вывести из окружения батальон пехоты, не станут стягивать всю оставшуюся в дивизии артиллерию – к гадалке не ходи, на прорыв собралось итальянское руководство.

– Мы вам тут как раз дорожку приготовили, заждались, – Клитин припал к прицелу, не замечает, что проговаривает мысли вслух. Положив руку на следующий снаряд, будто копируя выражение лица командира, хищно ослабил зарядяющий.

Итальянские артиллеристы пристрелялись, снаряды ложатся среди мелких греческих окопов. Очередной разрыв бросает в воздух остатки станкового пулемета. От лихого расчета

остались лишь невыразительные ошметки. На совесть закопанные танки может достать только прямое попадание, которого так и не случилось.

Из травы поднялись сотни фигурок, разевают рты – наверно, кричат. Идут на засыпаемую снарядами оборону.

– Не стрелять! – цедит Клитин. – Ближе подпустим!

За первой цепью итальянцев поднимается вторая, третья...

Пушки замолкают, когда пехоте фашистов остается пройти от силы двести метров. Вразнобой хлопают винтовки вставших в окопах греков, итальянцы побежали, достают из подсумков гранаты... Пора!

– Огонь! – выдыхает лейтенант, разворачивает башню влево и срезает длинной очередью во фланг вырвавшуюся вперед цепь. Фигурки фашистов в прицеле почти закрывали одна другую, теперь они падают, роняя оружие и теряя каски.

– А, суки! – радуется Клитин и разворачивает башню вправо.

Пойманные кинжальным перекрестным огнем на открытом пространстве итальянцы мечутся, валятся на землю. Последняя цепь дружно поворачивает и бежит к укрытиям.

Клацает вхолостую пулемет – опустел диск.

Щелчки, лязг взведенного затвора.

– Заряжено!

– Заводи! – кричит своей роте лейтенант, и танк радостной дрожью отвечает на команду командира.

Через минуту, дав моторам немного прогреться, Клитин выводит роту в атаку, теперь убегают все итальянцы, которых может ухватить глаз в пляшущем поле прицела.

Убежать от танка в чистом поле? Лет двадцать тому назад это еще было возможно, не сейчас. Танки догоняют бегущего противника, обгоняют и заставляют повернуть еще раз, на штыки поднявшихся из окопов греков. Танкистам участвовать в избиении некогда – где-то рядом их появления ожидает артиллерия противника.

– Я третий-раз, продолжать движение в направлении водокачки. Ищем пушки, скорость держать!

Про скорость можно было не говорить – в погоне за пехотой танки разогнались до предельных пятнадцати километров в час. Быстрее по бездорожью двадцать шестым ездить не дано. Взгляд Клитина шарит по кустам и укрытиям, во рту пересохло, вдоль позвоночника стекает холодный пот, но азарт охотника гонит вперед.

Их ждут, и вырвавшийся вперед танк политрука получает снаряд в лобовую броню. Клубы дыма от разрыва почти полностью скрывает машину, танк по инерции проезжает несколько метров и останавливается – люки остаются закрытыми. Командиры танков цели не видят, но нестись навстречу смерти, не стреляя нет никакой мочи, они бьют по любым подозрительным местам. Среди танков встают новые разрывы, но из пушек образца тысяча восемьсот лохматого года в движущуюся цель попасть нелегко.

– В винограднике, гады! – из-за треска помех не разобрать, кто из командиров первым засек позиции батареи.

Да, вспышки дульного пламени и струи дыма вылетают именно оттуда, и лозы валятся, срезанные осколками и пулеметными очередями. Потом в ряды перекрученных стволиков врезаются танки. Если хозяин выживет, урожай винограда с этой земли он увидит нескоро. Разъяренные танкисты потеряли страх смерти, танки взбесившимися носорогами втаптывают в землю все, что механики успевают заметить в закрытые триплексами смотровые щели. Пушки молчат – в свалке легко попасть по своим. Не умолкают пулеметы – ими броню не пробить.

Сорванным голосом Клитин останавливает подчиненных только тогда, когда с грунтом перемешано всё – пушки, люди, лошади и зарядные ящики.

Лейтенант плюет на возможность поймать пулю под шлем, по пояс вылезает из люка – осмотреться.

Что это? Кино про Чапаева? Рассыпавшись лавой, отсекая итальянцев от города, скачет кавалерия, сверкает поднятыми над головой клинками. Перед конницей переваливаются на неровностях грунта танки взвода управления. Вот они добрались до группы автомобилей, им навстречу выходит человек с белой тряпкой в поднятой руке. Танк комбата останавливается, из башни выпрыгивает Барышев, направляется в дом. Несколько конников спрыгивают на землю и идут следом. В наушниках голос Мотылевича:

– Юра, кажется, поймали генералов! Сдаются, сволочи! Подтягивай роту ближе, если где вздумают отбиваться, станем давить!

Еще радость. Заводится танк политрука и направляется вслед за ротой, из люка высовывается командир – бледный, но живой, чертяка. Показывает – ничего не слышу. Но улыбается. Хорошо!

Город взят. Победители заканчивают прочесывать территорию, ловят последних врагов. Итальянцев перестали поднимать на штыки, они охотно поднимают руки – понимают, что в плену шансы пережить войну выше.

Из погребов и подвалов выбираются местные жители, начинают хлопотать по хозяйству – сначала робко и неуверенно. Потом, когда поймут, что новые оккупанты не собираются грабить, убивать и насиловать, заживут, будто ничего и не произошло. Кроме тех, конечно, чьи дома разрушены во время боя, тех, чьи сады и виноградники перепаханы снарядами и гусеницами танков. Но живым нужно жить, и будут восстанавливаться дома, по весне зазеленеют молодые посадки – Корча в боях пострадала не сильно.

Танкистов отвели в тыл сразу после боя. Командиры довольны – батальон показал себя хорошо. За двое суток боев безвозвратные потери – пара Т-26 и три экипажа. Пять танков можно восстановить своими силами, двум нужен заводской ремонт. Через сутки боеспособных танков будет больше, чем экипажей – пока не вернутся из госпиталя раненые. Союзники оценили силу и мощь танковой атаки. Майор Барышев улыбается, вспоминая похвалы греческого командующего. Это, господин генерал, еще цветочки – когда помощь пойдет в полном объеме, греческий народ без подсказок сообразит, в какой стране живут его настоящие друзья.

Тяжелых раненых днем эвакуировали во Флорину, в госпиталь. Тела убитых для захоронения отправили туда же – вместе с погибшими греками.

Экипажи обслужили технику, поужинали и отдыхают – в одном из занятых ими домов какой-то боец тихонько играет на гармонии. Хорошо играет, скотина, грустно – наверно, кто-то знакомый погиб. Надо подойти, отвлечь, пока он весь личный состав своей тоской до ручки не довел, Паганини хренов.

Отдых не для всех. У большого сарая стадом коров сгрудились автомастерские, тарахтит мотор генератора. Из-за приоткрытых ворот сверкают сполохи электросварки, доносятся мерные удары кувалды и веселая ругань – ремонтники обещали до утра поставить на гусеницы подбитые танки третьей роты.

Уго волнуется, на вопросы отвечает не сразу, сначала тщательно обдумывает, выбирает слова. Еще бы, человек напротив – самый настоящий комиссар. Ляпнешь, не подумав, и мамочка Бонатти не скоро увидит своего сына в их маленькой квартирке под самой крышей. Немного уверенности придает переводчик – тот самый командир, что так славно организовал сдачу в плен их батальона.

Комиссар смотрит спокойно, ожидает ответа – не торопит, не кричит. Предложение, конечно, интересное, и русские парни, кажется, совсем неплохая компания, но Уго придется отказаться. Он поворачивается к командиру роты и долго объясняет причины, очень хочет,

чтобы поняли правильно, все-таки испанский – не родной язык, хоть и похож. Фунтиков поворачивается к комиссару:

– Ему хотелось бы остаться с нами, товарищ батальонный комиссар, он неплохой механик, и мог бы помогать чинить наши автомобили, но его товарищи считают его своим вожаком. Будет неправильно, если товарищ Бонатти их бросит в такой трудный момент.

Батальонный комиссар Окунев кивает, что-то помечает в лежащем перед ним блокноте и просит:

– Миша, спроси у него – много ли в его группе людей, которых можно привлечь к ремонту техники или оружия?

– Да, – отвечает итальянец. – Много. В Италии войска формируют из уроженцев одной местности, поэтому в нашем батальоне большинство – горожане, много парней из рабочих районов.

Выслушав ответ, комиссар снова пишет в блокноте и просит Фунтикова:

– Греки не сильно хотят сажать себе на шею толпу дармоедов, у них и без пленных с продовольствием в стране плохо. Есть мысль использовать их на строительстве новой линии укреплений и в каменоломнях, но технических специалистов по желанию будут набирать для организации центров ремонта трофейной техники – там и питание лучше, и режим свободнее. А его компании доверия больше, чем остальным. Скажи – пусть поговорит с людьми, если будет желание – поедут на Крит, строить мастерские, потом – работать в них.

Бонатти, услышав перевод, даже вскакивает от волнения, но ушибает голову о низкий потолок штабного фургона и садится обратно. Отвечать начинает по-итальянски, спохватывается и переходит на испанский. Окунев даже перевода не ждет – и так ясно, согласен итальянец. Снова помечает что-то в блокноте и поворачивается к Михаилу:

– Распорядись проводить его к сослуживцам, скажешь – пусть готовятся, через пару дней их будут отправлять. Мы греческим товарищам информацию подберем, решение за ними.

Уго Кавальеро. «Записки о войне».

Дневник начальника генерального штаба

24 ноября

Два дня я не видел Муссолини и ничего не слышал о кризисе, вызванном отставкой Бадольо. Сегодня в 10.25 я был у себя в кабинете. Раздался телефонный звонок. Это звонил Муссолини:

– Придите сейчас ко мне, Кавальеро!

В 10.30 я был у него. Муссолини познакомил меня с несколькими документами и затем отдал приказ немедленно отбыть на фронт.

В 11.30 я вылетел в Албанию. С аэродрома в Тиране я немедленно выехал в Эльбасан (55 км юго-восточнее) в штаб 9-й армии, положение которой катастрофическое. Заслушал доклад генералов Содду и Верчеллино. Спросил о самом существенном: Продержимся или нет? Как идут дела в районе Шкумби? Сколько времени приблизительно имеется в запасе?

Верчеллино:

– Самое тяжелое положение у Шкумби. По пехоте соотношение сил один к пяти и никакой артиллерии. Осталось немного легкой артиллерии. Если завтра противник бросит в наступление все свои силы, мы будем вынуждены отойти.

Содду:

– В тылу наших войск нет подготовленных позиций. Я отдал приказ 11-й армии приказ отойти к Клиссуре.

Кавальери:

– Когда?

Содду:

– *Завтра. Однако понадобится два дня, чтобы осуществить этот план. Дивизия Сиенна ведет бой.*

Кавальеро:

– *Сколько времени потребуется, чтобы выйти к Шкумби?*

Верчеллино:

– *Самое большое – неделя.*

Кавальеро:

– *Значит, раньше чем через неделю неприятель не может быть у Шкумби?*

Верчеллино:

– *После этого отступления наши герои будут выглядеть как призраки.*

Кавальеро:

– *Предположим, что пока мы будем отступать, подойдут восемь-десять батальонов.*

Содду:

– *Другого выхода у нас нет.*

Верчеллино:

– *Девятая армия может не выдержать. Третий и двадцать шестой корпуса полностью обескровлены. Боеспособны только пятый и шестой полки альпийских стрелков. Противник постоянно концентрирует артиллерию и танки то на одном участке, то на другом. У нас не хватает противотанковых средств.*

Газета «Правда», 26 ноября 1940 года

Греческая столица – прифронтовой город. Лица горожан суровы и сосредоточены. Во многих районах продолжается разбор руин, оставшихся после варварского артобстрела линкорами и крейсерами итальянских фашистов. С наступлением темноты патрули следят за выполнением требований светомаскировки, проверяют документы.

Несмотря на бомбежки и артобстрелы народ маленькой свободолюбивой Греции не собирается склонять шею перед фашистскими захватчиками. Возглавляемый коммунистами, он дает итало-фашистским оккупантам достойный отпор. Получив братскую помощь великого советского народа, греческая армия перешла в наступление, изгнала врага со своей земли и бьет врага на территории оккупированной Албании!

Сегодня по афинским улицам нескончаемой чередой идут в порт пленные итальянские солдаты, к стенам древнего Акрополя брошены знамена разбитых вражеских дивизий и полков. Трофеями победителей стали десятки автомобилей, сотни орудий и минометов, тысячи винтовок, множество боеприпасов и другого военного имущества. Как это разительно отличается от молниеносного разгрома фашистскими полчищами армий буржуазных государств! Польша, Норвегия, Дания и Бельгия, Нидерланды были оккупированы в считанные дни и недели. Мощная военная машина Франции была разгромлена, несмотря на помощь Британской империи, и только здесь, на Балканах впервые остановлено победное шествие коричневой чумы по Европе! Там, где у управления государством находится коммунистическая партия, воля народа к сопротивлению получает единственно правильное, выверенное по учению Маркса—Ленина—Сталина руководство, и тогда трещат по швам захватнические планы фашистов, пытающихся расширить свои империи!

Глава 3

Малой кровью, на чужой территории

Небольшое, ничем не примечательное здание в припортовом районе Салоник. В меру грязное, по виду сразу и не понять – склад или транспортная контора. Над входом нет даже невнятной таблички – из тех, которыми обозначают свое присутствие всяческие бюро и комитеты новой власти. Жителям Салоник это даже нравится – некогда людям пускать пыль в глаза, работают. Враг хоть и не у ворот – получил по зубам и отброшен, но все еще силен, нелегко маленькой Греции бороться с колониальной державой высшей весовой категории. В здании расположилось одно из управлений с рядовым названием – кажется, занимаются перемещением трудовых ресурсов.

Район достаточно шумный, совсем рядом звонят портовые краны, то и дело раздаются гудки паровозов, с каждым днем все больше автомобилей проезжает в порт и обратно – круглые сутки кипит работа, Салоники стали главными транспортными воротами страны. Иногда по ночам порт пытаются бомбить прилетающие с моря трехмоторные бомбовозы, но на работе докеров это не сказывается – летящие по одному «Зимородки» и «Ястребы»⁵ еще на подходе перехватывают новые истребители. Изредка удачливому пилоту Реджия Аэронаутика удастся прорваться к городу. Его встречают, как звезду американского кино – в небо вонзаются лучи прожекторов, вспышками магния полыхают над портом разрывы зенитных снарядов. Работа у причалов не останавливается, каждый делает свое дело.

В потоке транспорта на автомобили, что время от времени останавливаются у неприметного здания, никто не обращает внимания. Входят и выходят люди, изредка – группами. Здесь делают свою работу, как и докеры – круглые сутки.

Начальник управления время от времени рассматривает доставшуюся ему долю советской помощи. Помощь сидит у стола напротив, скудно освещенная светом настольной лампы. Лучшее всего видны руки – крупные кисти с сильными узловатыми пальцами. В таких лапах ожидаешь увидеть ручку лопаты или рукоять молота; гаечный ключ, кельма и даже кирпич просто не соответствуют их масштабу. Что уж говорить о карандаше! Тем не менее грифель бойко движется по бумаге, отмечает, подчеркивает и оставляет заметки на полях. Владелец таких выдающихся рук больше ничем на себя внимания не обращает – среднего роста мужчина, крепкого сложения. Особых примет нет, говорит негромко. По-гречески – с заметным акцентом, но бегло. Никогда не шутит сам, чужие шутки понимает, но не смеется – лишь спокойно улыбается. В его присутствии и сам становишься спокойнее.

Советская помощь нравится главному переместителю кадров, информация, поступившая из столицы – нет. Вчера командир третьего армейского корпуса генерал-лейтенант Чолакоглу устроил себе в Афинах небольшой персональный триумф в лучших древнеримских традициях – с прогоном пленных, демонстрацией трофеев и захваченных знамен. Само по себе это неплохо, императоры знали толк в зрелищах, направленных на подъем патриотизма. Но затем генерал устроил маленький бенефис на совещании в генеральном штабе, при обсуждении дальнейших планов и распределении советской военной помощи. Требовал львиную долю танков, пушек и авиации, обещал через месяц взять Тирану. Понимания не нашел, удалился обиженным. После совещания посетил германскую дипломатическую миссию. Генерал провел в миссии не слишком много времени – около часа, после чего убыл обратно на фронт. То, что после его визита радиостанция миссии вышла в эфир в неурочное время, а утром на афинский

⁵ «Зимородки» и «Ястребы» – трехмоторные бомбардировщики CRDA (Кант) Z.1007 «Альционе» («Зимородок») и SIAI (Савойя-Маркетти) S.79 «Спарьеро» («Ястреб») – основные типы бомбардировщиков ВВС Италии.

аэродром за дипломатической почтой прибыл самолет курьерской службы, видимо, должно рассматриваться как случайное совпадение.

Оба собеседника дорого дали бы за возможность ознакомиться с содержимым улетеvшего в Берлин пакета.

– Что мы знаем о господине генерале? – интересуется советский специалист.

– Германofil, близок с нашим бывшим королем, который тоже любит Германию трепетно и бескорыстно. Немецкую миссию посещает не впервые, прежде делал это регулярно, как правило, после аудиенций у его королевского величества. В молодости воевал с турками и болгарами, после вашей революции был в оккупационных войсках на Украине. Пользуется уважением в офицерском корпусе. В настоящее время – народный герой, разгромивший в Македонии половину итальянской армии.

– Да... – карандаш аккуратно ложится поверх донесения, пальцы советника выбивают по столешнице ритм какого-то марша.

– А ведь наверняка генерал-лейтенант немцам информацию передал. Но – недоказуемо.

– Даже при наличии доказательств его арест принесет слишком много вреда, – начальник управления кадровых перемещений закуривает, выпускает дым из ноздрей и какое-то время следит за тем, как уменьшается огонек на конце сигареты.

– Поясни, пожалуйста.

Советник желает знать, какой вред может принести арест предателя – в его прежней работе с подобным сталкиваться не приходилось. Напротив, чтобы гарантированно уничтожить матерого врага, случалось пустить в расход десятки подозреваемых.

Придется объяснять.

– Сегодня с итальянцами сражается вся страна. Впервые за два десятка лет мы не делимся на либералов, метаксистов и коммунистов.

Подумав, хозяин кабинета поправился:

– Неверно. Делимся, конечно, но сейчас это не имеет значения. Генерал-метаксист исполняет приказы премьера-коммуниста, не задумываясь о его партийной принадлежности, главное – отстоять свободу, между собой мы сцепимся потом. Если начнем аресты офицеров и генералов, не придерживающихся коммунистических взглядов, остальные задумаются – кто следующий? Даже если мы поймем Чолакоглу с поличным в момент передачи планов и карт, каждому не докажешь. Мы не можем себе это позволить. То, что я не коммунист, ничего не меняет. Важно не то, что есть – то, как воспримут.

Советник машет ладонью, разгоняя табачный дым – он мешает смотреть на собеседника:

– Надеюсь, вы не собираетесь позволить генералу продолжать передачу информации противнику? – он по-прежнему спокоен.

– Мы не можем арестовать генерала и не можем допустить его работы на врага. На войне гибнут и генералы. Смерть на поле боя, в отличие от ареста, только укрепит единство народа.

– Будете делать предателя героем?

– Мертвому генералу будет все равно, а герои Греции нужнее предателей.

Советник глядывается в сидящего напротив специалиста, будто увидел его впервые, потом кивает и откидывается на спинку стула.

– Мне кажется, я могу у вас кое-чему научиться, товарищ начальник управления.

Он по-прежнему серьезен, но в уголках глаз прячется улыбка.

– Взаимно, коллега. Смерть генерала на боевом посту НАМ еще предстоит грамотно организовать.

Огонь лижет закопченный свод очага, наполняя небольшое помещение теплом и дымом. Седые космы поднимаются к стропилам, к крыше из сланцевых плиток, слоями висят над головами сидящих в охотничьей хижине мужчин. На некоем подобии стола разложена немудрящая,

но здоровая и сытная пища – сыр, копченая козлятина, соленые оливки. Один из мужчин отогревает у огня несколько задубевших на морозе лепешек. Капитан Карагиозис, ласково похлопав по налитому боку, выкладывает на стол немалых размеров бурдючок. Его высокие и плечистые, но сухие, жилистые подчиненные весело улыбаются, достают из мешков котелки.

– Кара, стоит ли? – Котовский радостей жизни не чурается, но пить чуть не на нейтральной полосе, даже не выставив часового? – А если макаронники полезут?

– Старый, но неглупый поэт сказал: «Мудрых предков тела уже сгнили давно, неужели тебя не прельщает вино?»

Капитан мил и обаятелен, будто сидит не в заваленной по крышу снегом конуре, а во дворе своего небедного дома, мятый котелок держит, как драгоценную чашу, красные бока которой расписаны сценами из приключений богов и героев.

– Не беспокойся, Алексей, с эвзонами можно пить, с нами нельзя напиться! А любители макарон сидят внизу и до утра носа не высунут из своих лачуг!

В самом деле – отчего бы не расслабиться немного? Хорошая компания, неплохая еда и бодрящее, сдобренное капелькой меда вино – на войне привыкаешь ценить маленькие радости, потому что именно они дают жизни вкус, цвет и запах, отгоняют от глаз живущую в рутине бытия серость.

– Ты почему не подпеваешь, Алексей? У тебя красивый голос, давай! – и капитан затягивает:

– Чистил и чистил родник я под сенью оливы седой!

Была не была, решает Алексей и подтягивает:

– Может, выйдет девица с кувшином с утра за водой!

От его рева в расположенном в долине селении начинают выть собаки, итальянский пулеметчик с перепугу выпускает в ночь пару очередей, но пулемет теряет голос, поперхнувшись на полуслове. Греки закрывают ладонями уши.

– Святой Дионисий, ну и глотка! – хохочет Карагиозис. – Клянусь чепцом моей матушки, пиринейские дурни решили, что в горах снова завелся Немейский лев! Этот идиот со страху смял в своем пулемете приемник для обойм, или я не эвзон, а настоятельница женского монастыря! Алексей, не надо больше петь, только слушай!

Капитан отхлебывает из котелка и хорошо поставленным баритоном продолжает:

Не сочтешь и до трех, а Лариса
Уже соберет виноград!

Карагиозис командует батальоном элитной греческой легкой пехоты. Увидев эту элиту впервые, Алексей с трудом удержался от улыбки – греческие шинели, на которые и так смотреть было нелегко, у этих детей гор еще и заканчиваются на уровне колен. А ниже обреза шинели...

– Твою ж мать! – не выдержал политрук. – Они ж в чулках до колен, и тапки с помпонами! А на башке горшок с кисточкой! Детский сад на утреннике, да, командир?

– Попробуй мне только захихикать! И бойцов предупреди, быстро! – спровадил не в меру развеселившегося заместителя Котовский, отвечая на приветствие офицера, с которым ему предстояло гонять супостата по горным склонам.

В недрах штаба корпуса зародился гениальный план – нанести обходной удар в тыл выдвинутого вперед правого фланга девятой армии итальянцев. Когда генерал Верчеллино бросит на отражение атаки все свои невеликие резервы, нанести смертельный удар, разгромить остатки итальянских войск в долине реки Шкумбин. После этого усиленная танковым батальоном кавалерийская дивизия лихим ударом захватит Эльбасан – и отрежет в горах ошметки итальянских дивизий, без еды и боеприпасов. Для танков и конницы рейд в восемьдесят кило-

метров по хорошей дороге – пустык. Шах и мат. От Эльбасана прямая дорога на Дуррас – второй из портов, через которые в Албанию прибывают итальянские подкрепления, а до Тираны останется всего полсотни километров. С хвостиком.

В этом победном хоре запев достался бригаде эвзонов, а чтобы горцам было не скучно, руководство в неизменной мудрости своей выдало им погремушку – роту легких танков. Ну, и для того, чтобы убедить итальянского командующего в серьезности атаки.

Барышев пошутил – мол, легкой пехоте средние танки ни к чему, а Алексей с греками быстрее общий язык найдет.

Что танкам делать на крутых заснеженных склонах, не уточнил.

– Не маленький, сам разберешься.

Очевидно – комбату ситуация тоже не нравится, но приказы в армии не обсуждают.

С новыми знакомыми Котовскому повезло, эти эвзоны, хоть и гордятся своей клоунской экипировкой, оказались парнями крепкими, боевыми и решительными. Что интересно – вовсе не собираются героически умирать за Родину. Логика у ребят простая, и Алексею близкая – чем больше врагов Греции умрет, тем лучше для страны. А живые защитники ей еще пригодятся.

Накануне наступления командир бригады представил Котовского командирам батальонов и честно признался:

– Никогда не командовал танками в бою, не знаю, на что такие машины способны в горах. Поговорите с офицерами, посмотрите, где придется воевать, буду рад выслушать ваши соображения.

Обсуждать применение танков в горах оказалось приятно – как говорится, у греков «с собой было». Офицеры увлеклись, заспорили...

– Слушай, – вдруг предложил один из комбатов, – я со своими парнями собираюсь попробовать этой ночью на итальянцах новые пулеметы и минометы – пошли с нами, заодно и местность посмотришь.

От таких предложений Котовские не отказываются.

Под утро цепочка бойцов двинулась вдоль хребта в тыл к сидящим в долине итальянцам. Хоть противник и избегает подниматься высоко в горы, впереди отряда крадется тройка дозорных, выискивает вражеские секреты – тот, кто заранее считает врага идиотом, непременно сам останется в дураках. В этот раз альпийские стрелки греков не удивляют – отряд эвзонов пробирается к ним в тыл, не встретив ни одного. Карагиозис без суеты, без спешки размещает на удобных позициях недавно поступившие из Союза ручные пулеметы, два расчета легких пятидесятимиллиметровых минометов и бойцов прикрытия. Все это время Котовский водит биноклем по долине – когда еще удастся перед атакой рассмотреть оборону противника сзади, да еще и сверху. Не зря старается, засек ниже по склону пару «солотурнов», напоминающих водопроводные трубы на колесном ходу.

– Слышь, господин капитан, те штуки около кривой сосны могут запросто пробить броню моих танков, если смогут стрелять сверху вниз.

Карагиозис проникся, проинструктировал минометчиков.

Командиры собирались обратно к своим, когда из-за речной долины, через невысокий горный хребет, открыла огонь артиллерийская батарея. Судя по звуку, пушки небольшие.

– Горные, шестьдесят пять миллиметров. У нас такие же, – уверенно определил командир эвзонов. – Могут сильно помешать атаке – скорострельные.

– Как бы туда забраться? – Алексей показывает на вершину горы.

– Если нужно – заберемся, – пожал плечами грек.

С вершины видно достаточно: неглубокая быстрая речка – извивающаяся черная лента на фоне присыпанных снегом берегов, долина в километр шириной, и никаких укреплений на переправе.

– Кара, есть идея, но танкам будет нужно помочь, – дергает капитана за рукав шинели Котовский.

– Попробуй только попросить у полковника не мой батальон – и я перестану тебя узнавать, даже столкнувшись нос к носу! – восхищается Карагиозис. – Наверняка пушки стоят недалеко от штаба, у нас в бригаде еще никто знамен не захватывал. Хочу быть первым!

Командир бригады выслушал их план, прошелся циркулем по карте и принялся рассматривать, будто видел обоих впервые. Его огорченное «спелись» прозвучало не как обвинение в сговоре, как диагноз.

– Садитесь. Мне, господа, неудобно снизу вверх смотреть на ваши довольные... – полковник чуть протянул паузу, – Лица. Опять разболелась шея.

Командир дождался, когда молодежь усядется, и продолжил:

– Два авантюриста нашли друг друга и совпали, как части разбитого когда-то горшка. Надежду внушает то, что это неглупые авантюристы. К тому же обстоятельства на их стороне. Я не стал бы переносить наступление из-за того, что вас посетило гениальное озарение, но выделенная бригаде для поддержки артиллерия задерживается, и снаряды еще не подвезли, с этим начинаются проблемы. У вас есть сутки на подготовку.

«Авантюристы» радостно переглянулись.

– И не надо так нетерпеливо ерзать – постарайтесь при подчиненных не выглядеть парой задумавших очередную проделку гимназистов. Можете быть свободны, к обеду жду обоих у себя в палатке.

Перед тем, как увести батальон в горы, Карагиозис признался Алексею:

– Что-то меня беспокоит в разговоре с нашим Англичанином. Не могу понять, что, но сидит как заноза.

Капитан потер ладонью правую щеку.

– Нет, не пойму. Мне пора, не подведи, и мы крепко надерем засранцам их худые альпийские задницы!

Капитан побежал догонять своих солдат, Котовский остался ждать утра – танки не умеют пробираться в тыл врагу горными тропами. Тогда он был в этом уверен.

Под утро темнота кажется чернее, но на фоне снега можно различить силуэты людей и танков. Экипажи выстроились у заправленных по пробки и загруженных боеприпасами по самую крышу машин, – не на спине возить, экономия может выйти боком.

– Рота, равняйся! Смирно! Слушай боевой приказ!

В ночной тишине можно не напрягать связки – слова приказа хорошо слышны всем. Последние слова неприятны, но необходимы:

– В случае моей неспособности командовать за меня остается командир первого взвода, далее – по старшинству. По машинам!

Топот сапог, лязг крышек люков. Котовский успел занять свое место и присоединить разъем шлема к ТПУ, когда открыла огонь артиллерия.

Горы и расстояние делают свое черное дело – связи с батальоном нет, поэтому позывные упростились.

– Я Первый. Заводи!

За завесой разрывов рота выходит на рубеж атаки – на минуту раньше установленного времени. Итальянцам не до них – слишком густо на позиции падают гаубичные снаряды. Сливающиеся в один рев разрывы заставляют вжаться в дно окопа в попытке просочиться еще глубже, спасти свое драгоценное тело от осколков, что в мелкие клочья раздирают визжащий от нестерпимой боли воздух. Однако чужая земля не желает прятать пришельцев, дрожит, как необъезженная кобыла, толкает и бьет снизу, пытается выбросить навстречу неминуемой

смерти. Цепляются в стены окопов пальцы, упираются подошвы солдатских ботинок – невозможно заставить себя поднять над бруствером даже не глаза – стеклянный зрачок перископа.

В этом аду хлопки разрывов ротных минометов неразличимы, но не менее смертоносны – первыми полегли иссеченные осколками расчеты противотанковых ружей, один за другим перестали жить пулеметчики, что должны были в два слоя накрыть перекрестным огнем неширокий вход в долину. Поймал пулю в живот, скорчился в безнадежной попытке вернуться в материнское лоно наблюдатель – зря думал, что выступ скалы укроет его от пляшущей вокруг смерти. В этот раз костлявая явилась со всех сторон, в разных обличьях, и немногим суждено ускользнуть от ее леденящего дыхания.

Шлепнулся на развороченный снарядами грунт последний горячий осколок, начали приходиться в себя солдаты, их позвоночники окрепли, позволили подняться на ноги – снова дрожит земля, накатываются на полузасыпанные окопы рев моторов и лязг гусениц. Взгляд выхватывает угловатые силуэты, прилипает к мельтешению траков бесконечной гусеничной ленты. Она все ближе, она стелется по земле, чтобы смять тебя, раздавить, смешать с грязью, и нет сил отвести глаза – мадонна, неужели это я минуту назад мечтал смешаться с землей? Я был неправ, спаси, заступница!

Дрожащие пальцы давно забытым жестом касаются лба, живота, ищут замершее в испуге сердце, касаются правого плеча, на котором нет винтовочного ремня – разве может спасти от надвигающегося ужаса жалкое творение австрийца Манлихера? Что толку тыкать штыком в танковую броню?

Сосед заливается диким хохотом, срывает с головы каску, швыряет ее в танк и выпрыгивает из окопа – бежать. Коротко татакает пулемет, обрывает смех, пугающий больше врага.

Услышала искреннюю молитву Божья Матерь, танки, не сбавляя хода, пересекают линию окопов и исчезают за пеленой снега, что посыпался вдруг из низких облаков.

После пережитого поднявшаяся над брустверами греческая пехота – ангелы на белых крыльях надежды. Разве можно стрелять в ангелов? Их приветствуют, высоко поднимая руки над головой. Ангелы непривередливы, они не обидятся на отсутствие пальмовых ветвей.

Сопrotивления почти нет – взятые в два огня, подавленные артобстрелом итальянцы не стреляют. Котовский на ходу перестраивает роту в колонну и на максимальной скорости движется к реке – туда уже спускаются с гор бойцы Карагиозиса.

Хлипкий мост делали не для танков – ерунда, идем вброд, вода не достает даже до поддерживающих катков. Течение сильное, поток просто кипит вокруг машин, пытается унести с собой – напрасно, сдвинуть такую массу ему не по силам.

Эвзоны толпой перебегают мост, карабкаются на танки – сколько может поместиться, пять – шесть человек на каждый. Облепленные людьми машины трогаются и идут дальше по дороге – быстрее, пока враг не успел отреагировать на прорыв своей обороны. Те, кому не хватило места на броне, бегут следом, стараясь не сильно отставать. Просто кони какие-то.

Горная батарея проснулась и открыла огонь по заранее пристрелянным целям – поздно, наступающие уже проскочили этот рубеж. Связи с пехотой у артиллеристов нет – греческая разведка перед атакой ликвидировала все переброшенные через реку провода.

Снег валит все сильнее, закрывает обзор, залепляет стекла приборов, мехводам приходится приоткрыть люки. За очередным поворотом ущелья дорога вырывается в долину, на склонах угадываются дома небольшого селения – в здешних местах больших не бывает. Танки притормаживают, дают десантникам возможность спрыгнуть. Врага удалось застать врасплох. Вспыхивают там и тут короткие перестрелки, точку в которых часто ставит выстрел танковой пушки. Еще выстрелы, взрыв, несколько пулеметных очередей – и тишина. Танки блокируют выходы из долины, эвзоны начинают осмотр домов и сараев – вдруг кого-то не нашли сразу. Пропустить легко – стихия разгулялась не на шутку, ветер усилился, бросает в лица бойцов

мокрым снегом. Через час в броню командирского танка постучал посланный Карагиозисом боец. Пробираясь следом за ним к нужному дому, Алексей гадал – сумеет ли найти дорогу обратно.

– Твою ж мать, пурга какая-то, – бормочет он себе под нос, стараясь не отстать от длинноногого эвзона.

– Алексей, я понял, что меня беспокоило в разговоре с командиром, – капитан не ждет, пока Котовский стряхнет снег с одежды.

– Я плелся сквозь эту мокрую дрянь, чтобы ты смог поделиться со мной своим открытием?

– И для этого тоже. Алексей, мы здесь застряли.

– С чего ты взял? – удивляется танкист.

– У нашего полковника болела шея. Она у него всегда болит к плохой погоде. Алексей, нам не успеть вернуться на тот берег реки.

– Объясни, – Котовский стаскивает шлем, проводит ладонью по бритой голове и садится к столу. Морщится – табурет попался колченогий.

– Ты видел, что на улице творится. Того моста, по которому мы прошли через Шкумбин, уже нет – наверняка его сносит каждое наводнение. Здесь, в горах, реки разливаются зимой.

– Что мы, на танках твоих парней не перевезем?

Капитан невесело улыбается.

– Не пройдут твои танки через разлив, утонут. Или сначала их унесет потоком, утонут потом.

Алексей понимает, что друг не шутит, и задумался, прикидывая варианты.

– Как думаешь, это, – он кивнул в сторону окошка, – надолго?

Грек пожимает плечами.

– Несколько дней, может быть, неделя. Но высокая вода будет дольше – выше в горах снег тает медленно.

– Продержимся. Ты знамя-то захватил?

– Нет. Не было здесь штаба, только тыловики и артиллеристы. Штаб остался на том берегу, итальянский полковник собирался личным примером вдохновлять подчиненных.

– Это он правильно придумал.

Котовский прикидывает – неделю сидеть на том пайке, что с собой привезли. Эвзоны много на себе не притащили, в деревеньке наверняка лишнего продовольствия нет. В трофеях наверняка найдется еда, так ведь еще итальянцев кормить...

– Пленных сколько у нас?

– Каких пленных? – очень натурально удивляется Карагиозис. – Ты забыл, как они дрались? Горные львы, предпочли смерть позорному плену. Прыгали со скал, когда кончились патроны.

– Да? Что-то замотался я, глупые вопросы задаю.

Алексей расстегивает комбинезон.

– Жарко тут. Ты сразу понял, что мы попались?

Капитан не отвечает, только дергает небритой щекой. Потом вдруг улыбается:

– Но дело мы сделали – теперь итальянцы соберут все силы, чтобы нас прихлопнуть. Такой шанс умереть героями выпадает не каждому.

Уго Кавальеро. «Записки о войне».

Дневник начальника генерального штаба

5 декабря

Получил телеграмму от Муссолини: «Спротивляйтесь наступлению противника до последней возможности. Я уверен, враг использует свои последние козыри. У него нет военной промышленности, он может рассчитывать лишь на помощь Англии и СССР. Надо, однако,

учитывать и худшую возможность, т. е. необходимость обеспечить оборону Северной Албании и укрепленного района у Валоны. Эта оборона может быть организована по рубежу Рпони, Либражди и по реке Шкумбини до моря. Оборона Валоны может осуществляться вдоль реки Вьоса от ее устья до Дорбы. Важно немедленно приступить к строительству оборонительных сооружений в указанных районах».

Принял главного интенданта. Самое большое беспокойство вызывает недостаток продовольствия, строительных материалов и обмундирования. Положение с боеприпасами всех видов, особенно для легкого оружия, очень тяжелое. Необходимо для доставки продуктов питания и боеприпасов использовать авиацию.

На улице который день бушует непогода. Когда война уйдет дальше на север, хозяйке придется долго проветривать свое жилье – стоящие на постое танкисты пропитали дом стойким ароматом казармы. Знакомый каждому служившему букет: ядерная смесь запахов сапужной ваксы, хозяйственного мыла, молодого, здорового мужского тела, в которую случайной нотой вплетается тончайший оттенок тройного одеколona. По вечерам добавляются запах сгорающего в «летучей мыши» керосина и неопиcуемый дух сохнувших у печки портянок.

Когдаходишь с улицы, первое время тяжело дышать, потом привыкаешь. Намерзшийся на улице организм не желает отходить сразу, только прижавшись к горячим булыжникам круглого печного бока, начинаешь ощущать, как выходит из тела въевшаяся до самых костей сырая сырость.

– Полетели с небес белые снега, засыпают собой нивы и луга, – выводит под аккомпанемент тульской двухрядки негромкий душевный тенор.

Тимоша Хренов взялся за музыку. Достался же талант человеку! И на гармонии играет – заслушаешься, и голос чудный. Ему бы не снаряды в пушку кидать, в филармонии выступать. Может, еще и будет. Вон, песня опять новая.

– Разожгу я в печи радостный огонь, растяну я меха, запоет гармонь. Далеко на восток милые края, и уже, видно, спит Родина моя. Чтобы мирно спалось селам-городам, сто морей переплыть довелось бойцам.

– Это ты, Тимша, загнул! – Федор Баданов перекусил нитку и ловко завязал узелок. Певец на замечание не среагировал – когда Хренов добирается до инструмента, никого не слышит, вылитый тетерев на токовище. Склонил стриженную «под ноль» белобрысую башку на плечо, глаза прикрыл. Сапогом в него запустить, что ли?

Допел, задумался – что дальше выдать.

– Вот, Тимофей, и талант у тебя, и голос, и песни сочиняешь, а все равно песни твои – хреновые.

Голос у Северюка хрипловатый, не шибко приятный, и шутки у него злые, но механик Петро хороший.

– Как это хреновые? – возмущенно встрепенулся автор.

– Так фамилия твоя какая? А, смекнул, наконец. Коли автор – Хренов, так и песни его – хреновые.

Северюк повернулся к Баданову:

– Про вторую роту ничего не слышать? Ротный в штабе був, не казав чого?

Федор отрицательно покачал головой – новостей не было.

– Не, Котовский не мог просто так пропасть. – Видно, Петро давно об этом думал, теперь его прорвало.

– С финского окружения вышел, это не с тыла у макаронников выбираться. Придет вторая рота, помяните мои слова, они еще Муссолини поймают и на веревке приволокут!

– Приволокут, конечно, – если встретят. Никто и не сомневается. Чего ты завелся?

Скрипнула дверь, в щель просунулась голова посыльного:

– Первая рота, через десять минут строиться у танков!

И прежде начальнику управления по перемещению кадров приходилось засиживаться на работе дотемна, но чтобы работа по ночам стала постоянным элементом распорядка? Кошмар! А куда денешься? День заполнен потоками поступающей информации, чтением отобранных помощниками документов и выдержек из протоколов допросов. Подчиненных необходимо направлять и контролировать – работа управления не должна распадаться на работу отдельных исполнителей. Для аналитики остается вечер. И ночь. Сколько удастся откусить на сон, зависит от положения дел и твоих мыслительных способностей. Впрочем, не только твоих. Советский советник оказался настоящим профессионалом.

– Удивительно, британская и германская резидентуры дают нам больше работы, чем итальянская. Даже болгары активнее занимаются разведкой. Такое впечатление, что Муссолини выставил Греции ультиматум с тяжкого похмелья в состоянии временного помешательства. Можно подумать, толпы греков осаждали его резиденцию с просьбами об оккупации.

– Муссолини – болтун и демагог. Хороший демагог, талантливый болтун, сумел заговорить целую нацию болтунов. После этого уговорить себя самого – не такая уж сложная задача.

– Думаю, вы правы. Что у нас еще на сегодня, коллега?

Советник раскрыл толстую папку личного дела.

– Чолакоглу. Немного притих после разгрома России и взятия Тепелены.

– Да, разговоры о собственной исключительности почти прекратились, теперь он рассказывает о недостаточности имеющихся в его распоряжении сил и аккуратно внушает окружающим мысль о командовании, не способном правильно выбрать направление главного удара. Выражал сомнения в надежности советских «наемников». Несколько раз, невзначай, с разными людьми.

– Возможен саботаж?

Карандаш несколько раз замысловато провернулся в толстых и неуклюжих с виду пальцах.

– Трудно сказать. Последние распоряжения можно оценить как достаточно рискованные. Операция в районе верхнего Шкумбрина завершилась успешно, но потеряна треть танков, имевшихся в распоряжении генерала.

– Не думаю, что наш подопечный способен управлять погодой.

Начальник управления достал из пачки сигарету, посмотрел на полную пепельницу, на некурящего советника и убрал ее обратно.

Советник перелистнул несколько документов в папке.

– Командиры первого и второго корпусов отмечают попытки итальянцев организовать противотанковую оборону. Что характерно, именно на направлениях главного удара. Отмечена совершенно нехарактерная для них ранее концентрация противотанковых средств на танкоопасных направлениях, попытки сооружения препятствий, непроходимых для танков. Еще одна особенность – автоматические зенитки и противотанковые ружья размещаются для стрельбы сверху вниз. Пленные на допросах показывают, что такое распоряжение получено из Рима.

– Это не помешало разгрому их правого фланга, пленные начинают превращаться в серьезную проблему – их слишком много.

– Итальянцам не хватило времени и ресурсов. Банально не успели. То, что команда об усилении противотанковой обороны пришла из Рима, а не из Тираны, говорит о том, что немцы поделились с союзниками полученной информацией.

– Кто бы сомневался.

– Коллега, – советник потянулся – мощно, со вкусом, до хруста в суставах – распорядитесь принести чаю, пожалуйста.

Грек улыбнулся – его советский помощник никогда не командует в управлении сам, даже в мелочах. Удивительное чувство такта у бывшего грузчика и карателя.

Когда советник отхлебнул из чашки и откинулся на спинку стула, продолжил:

– Сам генерал безвылазно находится в Корче.

– Не слишком ли далеко от фронта?

– Ему виднее, командир он все-таки хороший. Жаль, что с гнильцой. Вчера его адъютант был в столице, навещал родственников. День ангела двоюродной сестры. Торжество скромное, в кругу семьи, никого лишнего – братья, сестры, дядья и один из секретарей германской миссии.

– Опять радио и самолет за почтой?

Грек отрицательно покачал головой:

– Нет. Видимо, информацию не сочли срочной.

– Пора бы уже отработать вариант «Герой».

Начальник управления все-таки закурил.

– Наши парни уже сработались с вашими специалистами. Осталось дожидаться появления генерала на передовой.

* * *

Воздух задрожал, предупреждая о приближении очередного итальянского «гостинца». Сто сорок девять миллиметров – серьезный калибр. Грохот разрыва, клубы дыма, визг разлетающихся осколков и выбитого из скальной породы щебня. На излете часть этого добра цокает по броне. Сначала экипаж вздрагивал, но обстрел, теперь ленивый и неспешный, длится уже третий час. Привыкли. А начиналось все неплохо...

Впервые на памяти Фунтикова танки ввели в бой после прорыва обороны противника. Пехотные дивизии и артиллерия разгромили подавленных постоянными неудачами итальянцев, перемололи последние боеспособные полки и создали огромную прореху в защите. Роль кинжала, который должен поразить противника в сердце досталась коннице. Танковый батальон – закаленное острие клинка, его задача – на ходу давить любые попытки задержать идущую к цели кавалерию.

В использовании танков греческие штабисты решили позаимствовать тактику вермахта. Рывок трех батальонов БТ вдогонку отступающим дивизиям одиннадцатой итальянской армии, когда почти без потерь взяли Гирокастру, Клисуру и Тепелену, подтвердил правильность этой тактики. Танкисты легко обогнали плетущихся по горным дорогам фашистов, заняли стратегически важные пункты и сумели их удержать до подхода пехоты. Увы, первому батальону такой прыти не показать – техника не та, на редких участках удается разогнаться до двадцати километров в час. Зато расстояние невелико – меньше восьмидесяти километров.

Шли, как на обычном марше – с мелкими группами итальянцев скачущие впереди разьезды расправлялись еще до подхода основных сил. Ползли навстречу поросшие лесом склоны, время от времени нависали над дорогой скалы. Горы и вода со всех сторон. Бушевавший несколько дней снегопад сменился холодным дождем. Потоки водопадами срывались со скал, пересекали дорогу, в низинах разливались озерами – к счастью, неглубокими. Шкумбин, по правому берегу которого проложена дорога, превратился в мутный поток, с ревом бился о скалистые берега, со скоростью курьерского поезда летел к далекому еще морю. Стихия с одинаковой легкостью несла мусор и стволы деревьев. Утром мимо колонны проплыл, раскачиваясь на волнах, большой бревенчатый сарай, – похоже, река в этот раз поднялась много выше обычного. На крыше сарая сидела рыжая курица, мокрая и несчастная. Дождь продолжался, снега таяли – Михаил уже прикидывал, поместится ли вся эта масса воды в речном русле? Связи

со второй ротой нет, информации о ней – тоже. Низкие тучи не дают возможности поднять в воздух авиацию. Неужели парни Котовского попали в такой вот поток?

После полудня танки и передовой полк миновали Либражд, не заходя в небольшой городок, и по захваченному мосту перешли на левый берег реки. Для Михаила город остался подписью на карте и россыпью крыш, мелькнувших на склоне с правого борта. Немногочисленный итальянский гарнизон – комендатура, охрана складов – оставлены для разогрева замыкающему полку дивизии. Только скорость движения могла обеспечить успех операции.

Гусеницы, лязгая, проматывают очередной километр пути. Цель совсем рядом, остался десяток километров, а противник до сих пор никак себя не проявил. Порядок движения изменился, теперь танки вышли в голову колонны, оставив позади уставших всадников на притомившихся лошадях. Путь идет под уклон, и броневички ФАИ, которые вначале пришлось тащить за танками на тросах, приободрились и ушли вперед, на метров триста оторвались от головы колонны.

Впереди показался последний перед Эльбасаном мост – двухпролетное сооружение над правым притоком Шкумбина. После него несколько километров вдоль реки и колонна вырвется на широкую, хоть и холмистую равнину. Там их итальянцам не остановить, даже если будут очень стараться. Фунтиков было решил – обошлось, обмануло мерзкое предчувствие, появившееся сразу после того, как оценил поставленную задачу и посмотрел карту. Зря. Черти вынесли навстречу длинную колонну грузовиков. К мосту громоздкие «лянчи» и «фиаты» вышли одновременно с парой броневиков разведки. Пропусти греки колонну, может и обошлось бы – итальянцы, похоже, не ожидали встретить врага в своем глубоком тылу, они даже не снизили скорость. Не выдержали нервы у экипажей бронеавтомобилей. Парень, сжимавший рукоятку ДТ, несколько часов ждал, когда в него начнут стрелять. При виде противника, он не раздумывал ни секунды – пулеметная очередь хлестнула по стеклам головного грузовика. Резко вывернутый руль, удар по тормозам, и тяжелый грузовик заносит на мокрой дороге. Огромный угловатый автомобиль утыкается в ограждения моста и останавливается. Из кузова начинают выпрыгивать солдаты, они разбегаются в стороны и падают под огнем уже двух пулеметов. Погибают не все, по броневикам открывают огонь из винтовок и автоматов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.